

Алексей Власюк

Путешествие на Урал

Адрес данного текста в интернете:

<http://timewind.livejournal.com/193883.html>

Здесь и далее все фотографии (с) Дмитрий Арбузов. Любое коммерческое использование запрещено без предварительного письменного разрешения автора.

Как знают некоторые мои друзья, Дима все-таки решил выпустить книгу, описывающую наш совместный уральский поход. Решив не отставать от него, я кратко изложу здесь и свою версию. И, хотя, записки эти я делаю, скорее, для себя, чем для других, я постараюсь придать рассказу подобие литературности, избежать длиннот и больше налегать на свои внутренние впечатления, чем на подробности того, что происходило.

Для меня это был действительно необычный поход. Смелый даже по меркам бывалых путешественников, сопряженный, не побоюсь этого слова, с риском для жизни – путь по самой уральской глуши. В течении месяца мы не встречались ни с единым человеком. Мы тащили все продукты с собой (рюкзак в начале похода весил 43 килограмма). Я побывал в таких местах, повидал такие виды, которые не знаю, увидаю ли еще.

Успех нашего похода во многом был определен невероятным везением с погодой. В течение целого месяца стояла сушь и жара до 30 градусов – почти невозможная для Полярного и Приполярного Урала продолжительность сухого сезона. В результате все реки, а их по пути встречаются десятки, переходились на раз – идти было относительно нетрудно. Мы ничем не болели, обошлись без серьезных травм – я воспринимаю это как настоящее чудо, в особенности для такого неопытного путешественника, как я. Везло нам и с людьми, которых мы встречали на втором месяце похода. Без их помощи нам было бы очень трудно завершить наше путешествие.

Часть первая.

Дойти до Кожима!

**День первый. 27 июня, воскресенье
В поезде.**

Познакомились с девушкой Ирой из Котласа. Учится в Ярославле на дизайнера¹. В Данилове мы купили газировки разбавлять спирт, так как тоника мы не нашли. Ира сначала долго отказывалась от смеси спирта с газировкой, но затем сказала, что если покрошить в это дело бананов и апельсинов, то получится коктейль. В результате был разработан коктейль, которому мы дали название «Воркутинский» – по наименованию поезда. Ингредиенты:

---

¹ Теперь она учится в Москве.

1. Спирт.
2. Дешевая газировка.
3. Неаккуратно порезанные ломтики банана и апельсина.
4. И самое главное: все это наливается в закопченную алюминиевую кружку-гестаповку, где плавает в виде мутной, пузырящейся смеси.

Затем до двух часов ночи проиграли в карты.

Уже в первую ночь мы так далеко продвинулись к северу, что полная темнота так и не наступила: к 12 спустились плотные сумерки, в 2 часа начало уже светать.

День второй. 28 июня, понедельник

Снова стоит жуткая жара. Ощущение такое, что едем куда-то в Сочи, а не на север. Природа пока что мало отличается от Средней полосы. Но стало много сосновых лесов. С грустью смотрим на аппетитные пейзажи, проплывающие за окном: реки с островками, незагаженные озера среди леса. Здесь бы походить с лодочкой и небольшим рюкзаком.

Едущий с нами мужик поведал, что в Коми все пьют чай со спиртом. Мы с Димой попробовали – и ничего! Почти как с коньячком².

Этой ночью уже не стемнело. В 12 наступили лишь легкие сумерки. В 2 часа ночи уже всю светило солнце. В 4 утра прибыли в Печору. Проводница из соседнего поезда обмахивает ноги от гнуса веточкой. Привет, Север!

День третий. 29 июня, вторник

В 6 часов утра в окне показались горы.

Скрытые голубоватой дымкой, они теснились вдаль. Местность стала резко меняться. Если до Печоры природа мало отличается от нашей, то по приближении к Уралу сосновые и березовые леса быстро уступают место зарослям невысоких елочек. 73-х летний дед, едущий с нами, - постоянно бегающий курить и кашляющий так, что поезд подпрыгивает, - рассказывает, что местные комья сбивают палками с деревьев особые грибы, которые толкут и жуют вместе с табаком. Жители тундры, у которых эти грибы не растут, готовы менять на них что угодно³.

Как обычно бывает в таких поездах, о нашей остановке предупредили за пару минут до нее. Стоять в Сейде 2 минуты, так что мы едва не вываливаемся из поезда, держа пакет огурцов и чашки кофе в руках.

- Поезд на Лабытнанги уже подали!
- Кофе допить успеем.

Вскоре мы сидим в душном общем вагоне. Болтаем со студентами из МИЖТ. Они приехали сюда на практику.

---

² Потом часто пили. Согревает – так что ой-ой-ой. Пили и вспоминали этого мужика.

³ Проверить не довелось.

Поражает безлюдность этих мест. Станции по этой ветке – как правило, одинокий домик, стоящий посреди тундры. Лес кончился. Совсем. Здесь только две недели назад сошел снег. Раскинувшийся за окнами вид – красновато-бурая тундра от горизонта до горизонта производит на впервые приехавшего сюда жителя Средней полосы подавляющее, гнетущее какой-то древней силой впечатление, и, кажется, даже в вагоне все стали разговаривать вполголоса. Горы вдалеке скрыты дымкой, пока снова не подступают и оказываются совсем близко.

На станции Елецкая мы в последний раз за несколько месяцев выпили пива. Это была бутылочная «Оболонь».

В вагоне настоящая душегубка. С меня ручьями льет пот. На Север приехал, блин! Студенты пытаются открыть окно. Проводницы причитают, что им потом не удастся его закрыть в их раздолбанном вагоне. Такая жара случается у них нечасто. Чаще тут совсем наоборот. Наконец, окно, все-таки, открывается, но нам пора выходить.

Мы ходим на станции Полярный Урал.

Через станцию Полярный Урал проходит граница Европа-Азия. В дальнейшем мы с Димой пересечем эту границу множество раз и уже перестанем особо обращать на это внимание. А пока мы радостно фотографируемся у указателя, который только несколько дней назад покрасили, в результате чего на моих штанах образуется изрядное пятно. Сзади видны загородки, которые встречаются на всех станциях по этой дороге. Они хоть как-то защищают станционные домики от чудовищных зимних ветров, заносащих все снегом

Погода потрясающая. Солнце жарит вовсю – градусов 25, легкий ветерок. Удивительно только, что почти нет комаров.

Пейзаж просто поначалу не укладывается в голове. Он словно сошел с японской гравюры: заснеженные скалы, под ними ярко-синее озеро. В траве пестреют цветы самых разнообразных расцветок. Райское местечко? И ни души кругом. А, в общем-то, если вдуматься, всего два с половиной дня пути от Москвы.

Мы окунулись в ближайшее озеро, чтобы смыть пот, густо покрывавший нас после езды в поезде.

В тот же день двинулись в горы. Прямо скажу, нелегкий подъем. Так в своей жизни я еще не выматывался. Я еще не знал, что теперь это будет продолжаться практически каждый день. В течение двух месяцев.

43-х килограммовый рюкзак сразу дал о себе знать. По камням, по кочкам. Прыг-прыг. С рюкзачком-то с этим. Вот, где я узнал, почему фунт изюма! Он очень дорого обходится, этот фунт. Когда тащишь его на себе в гору. У нас с Димой был четко распределенный список вещей: на оба рюкзака. Даже фонарь у нас был один на двоих⁴. Начинающие же туристы вечно набирают с собой. И потом в горах ты находишь: горку банок с тушенкой, раскладной стульчик, огромные кухонные ножи... В первый же день ты понимаешь, почему так происходит. Эти дурачки просто очень быстро соображают, что тащить все эти лишние вещи не в состоянии, и выбрасывают весь мусор, столь любовно набранный дома в рюкзаки.

А туалетной бумаги-то сколько с собой тащат! Господи, ну зачем в горах туалетная бумага?! Мох же есть. В сто раз лучше и мягче любой бумаги. А нету мха, подмылся в ближайшей речке, и вся недолга (интимные подробности закончились).

Под рюкзачком!

При переходе через Собь я чуть не свалился в воду. Я еще не передел обувь, и, стоя по задницу в реке, в малость охреневшем состоянии с удивлением наблюдал сквозь чистую, как кристалл воду свои ноги в кроссовочках, умильно стоящие на каменистом речном дне⁵.

Как выяснилось, наш оптимизм по поводу комаров оказался преждевременным. На закате их налетели целые тучи и пришлось одеть накомарники и плотные куртки. При всем этом было достаточно жарко, так что куртка, вскоре, насквозь промокла от пота. Потом, в течение месяца, это превратилось в совершенно обычное ощущение.

Единственное, что скрашивало все – пейзаж. Горы, заснеженные горы вокруг.

Полярный Урал – страна камней, скал и воды. Каждая полоса снежника на скале дает свой ручей, и они сливаются внизу в шумливые горные речки. Из каждого

⁴ Он был абсолютно не нужен в июне, пока стоял полярный день, за исключением спуска в штольню. Однако в августе он уже понадобился.

⁵ Кроссовки попались нормальные. За весь путь так и не расклеились! Но вид потеряли совершенно.

ручья можно пить: вода сладкая, она пахнет снегом. После часа ходьбы под рюкзаком она вливается в тебя, как эликсир, возвращающий к жизни.

Типичный пейзаж окрестностей станции Полярный Урал

Когда проходишь через снежник, тучи выющихся комаров на фоне снега выглядят феерически.

Во время передышки обнаружили нарисованную на горе снегом вилку и ложку. «Что-то рано о еде думать начали», – замечает Арбузов.

Все-таки, несмотря на то, что три дня нужно ехать в поезде, впечатление такое, что только что был в Москве и вдруг оказался в таких местах, что даже ожидать такого не мог. Горы с полосками снега, горные долины, реки. Местность выглядит как кадры из передачи «Клуб кинопутешественников».

Дима прет, как танк. Дал же Бог человеку такую быстроходность! Уже через 15 километров я начинаю валиться с ног. Пришлось заночевать на перевале. Информация Александрова⁶ подтвердилась, и на перевале нашлись дрова. Какие-то доски, куски шпал, которые падали с проезжавших здесь вездеходов. Выпил чаю, не доел свой кусочек сахара и рухнул, как подкошенный. Плохо мне.

---

⁶ Путешественник, маршруту которого мы приблизительно следовали первую часть пути. Этот маршрут довольно-таки уникален. Немного людей проходило здесь такой путь, и сама принципиальная его осуществимость была под вопросом. Александров проделал его в одиночку. Как утверждает, пошел по этому маршруту после того, как он целиком приснился ему во сне.

Бывает, что снег образует на скалах причудливые рисунки

День 4-й, 30 июня, среда

А вот балок, описанный Александровым, как выяснилось, сгорел

Безвременная смерть балка похоронила надежду переночевать, не ставя палатки.

В ущелье обнаружили брошенный вездеход. Металл здесь ржавеет очень медленно. Бог его знает, сколько это здесь уже стоит. Может, десять лет, может, двадцать. Дима наделал себе портянок из синтепоновой обивки кабины. Советовал и мне: но я, глядя на эти грязные бомжовские тряпки, подумал, что он не в себе. Позже я изменил свое мнение⁷.

Брошенный вездеход. Ущелье реки Макар-Рузь

---

⁷ Синтепон – утеплительный материал, знакомый туристам, как наполнитель для дешевых спальников. В голом виде выглядит похоже на стекловату, но в отличие от стекловаты не имеет опасных для кожи волокон. Очень мягкий и объемистый.

Далее нашли огромный старый токарный станок, стоящий в разрушенном сарае. Геологи на плато сверху что-то с жутким грохотом взрывают. Но здесь, в ущелье внизу, никого нет.

Форсировали реку Макар-Рузь. Оказалось несложно, несмотря на то, что в эту речку впадает ручей с живописным названием Покойник-Шор. Заночевали в брошенном год назад поселке геологов. В домиках жуткий беспорядок. Но спали на кроватях – таких, с металлическими сетками. Ночью я замерз, лежа на этой сетке, ужасно.

Бывший поселок геологов

День 5-й, 1 июля, четверг

Утром совершили омовение в озере с ледником. Вода настолько холодна, что, окунувшись, тут же с воплем выскакиваешь, красный как рак. Чтобы как-то согреться в одних трусах бегаю по снегу.

После обеда, при переходе через Степ-Рузь свалился в воду. Больше до конца вечера холодно мне не было. Я даже сравнялся с Арбузовым в его сумасшедшем темпе. Бежал, как угорелый. За день мы прошли 20 км и я совершенно вымотался.

После этого случая я переходил реки только с шестом. И никогда больше не падал.

Вечером мы сидели с рюкзаками, наблюдая освещенный заходящим солнцем пейзаж. Склон горы, заросший густым лиственничным лесом, сверху выступают две каменистые вершины. Внизу каньон с бурной горной рекой. На фоне леса двойками и тройками пролетают белые, как снег, утки.

Ничего подобного я в жизни не видел, и не знаю, увижу ли когда-нибудь. Мы сидим на противоположной стороне ущелья и смотрим. Невозможно передать словами, но мы сразу сходимся во мнении, что ради такого стоит протащиться четыре дня по буеракам с сорокакилограммовыми рюкзаками.

Ближе к закату начались болота. Мы вязли по колено в жидкой грязи и проклинали все на свете. С трудом добрались до большой Хараматолоу. Река

довольно бурная. Дима предлагает форсировать. Я протестую, так как после целого дня ходьбы перейти на подкашивающихся ногах быструю горную речку, снова не свалившись в воду, представляется мне невозможным. Дима возражает, указывая на лиственничный лес на другом берегу, где есть ДРОВА. Приходится согласиться. Как перешел эту речку не знаю. Опыта перехода горных рек тогда еще не было совсем.

В этот момент, к величайшему нашему удивлению, в сторону Степ-Рузи мимо нас проехало два вездехода. Это были первые люди, которых мы пока повстречали. Как выяснилось потом, и последние на несколько недель.

Лиственничное редколесье

День 6-й, 2 июля, пятница

Приснился сон, где я играл в казино с китайцами, а потом на улице в меня палил из ружья негр. Спал плохо, сны были тревожные.

Дошли до Малой Хараматолоу. И тут начался ДРАЙВ...

Узкое ущелье, по которому течет, петляя, река. Дорога проложена вездеходами, но вездеход устроен не так, как человек. Когда ехать по одной стороне из-за выступающих скал становится невозможно, вездеходчик поступает элементарно: он просто переезжает реку и едет по другому берегу. Точно так же и мы, следуя его путем, постоянно ныряем, как лососи, в ледяную воду. Все время мокрый по пояс, в сапогах полно воды. Плечи от лямок рюкзака болят так, что, кажется, сейчас отвалятся. Вдобавок, появилась мошка. Стоит присесть на землю, чтобы вылить воду из сапог, и она заедает так, что хоть волком вой. А не вылить невозможно – слишком тяжело идти.

Однако несмотря на мошку, я с еще большим ужасом представляю себе, как бы мы шли здесь при плохой погоде, когда холодно, а река разливается.

Переход через реку

Ближе к вечеру нас стала атаковать крачка. С пронзительным криком она пикировала на нас, норовя клюнуть в макушку, а Арбузов отгонял ее палкой. Я уже и сам приготовился отражать нападение, но тут Дима, изловчившись, попал и птица замертво упала на землю.

Вечером мы сварили суп из крачки. Нежирно, но все равно приятно поесть мясного бульона. Взятые с собой две банки тушенки мы к тому времени давно съели, и мяса у нас больше нет, кроме соевого. Тащить с собой тушенку малопродуктивно – там же, в основном, вода. У нас полно разной крупы: гречка, рис, а еще сухая вермишель, заботливо вынутая из упаковок и сложенная в отдельный пакет. Сухое молоко для сладкой каши. Орешки с сухофруктами на десерт. Все это тщательно пакуется и бережется от воды, так что я, даже упав в реку, ничего не замочил.

Сходили посмотреть на потрясающие останцы⁸. Один напоминает голову с высунутым языком. Пока шли по тундре, Диму, который не одел накомарник, чуть не сожрали комары. За день прошли всего 10 километров.

---

⁸ Остатки старых выветрившихся скал. Порой возвышаются вдали от горных массивов, прямо посреди голой тундры, как странные величественные изваяния.

Странный останец. Черная корка, покрывающая камень - высохший на солнце лишайник. Он выглядит, как легкие чешуйки пепла, однако, он не мертв - стоит пойти дождям, и он снова оживет и зазеленеет

День 7-й, 3 июля, суббота

Пока что самый драйвовый день за все путешествие. Начиналось все, вроде бы, нормально. Дорога была хорошая и мы разбили стоянку у реки Бурхойла. Дров мало, топим костер сухой карликовой березкой – неважное топливо. Впрочем, лучше здесь ничего нет.

В тундре, когда ищешь дрова, обращать внимание, как ни странно, нужно прежде всего на речки и ручейки. Вдоль них встречаются заросли карликового кустарника – кусты, стоящие близко к воде, по мере того, как ручей со временем расширяется, засыхают. Пытаться топить живой карликовой березкой бесполезно – она гибкая и тугая, как резина, ее почти невозможно наломать, а разжечь вообще нереально.

Снова пошли смотреть на останцы. Несколько часов перли сквозь поле чертовой карликовой березки⁹. Все-таки, противное растение! Походите месяц по горной тундре, и при одном слове «карликовая березка» вы начнете приходить в бешенство. Кстати, не всегда она такая уж карликовая. В местах, защищенных от ветра, она иногда вымахивает в человеческий рост, и тогда продрасться через нее практически невозможно. Однако и заросли по колено – не сахар. Именно там у меня начал серьезно рваться сапог, но я, к сожалению, не сразу это заметил.

Потерял часы. Снял, чтобы искупаться в речке, положил на рюкзак, потом, забыв, стряхнул. Наверное, они до сих пор валяются где-то в тундре. Теперь время можно определять только по GPS.

В этот день мы пересекаем Полярный Круг.

---

⁹ Карликовая березка представляет собой кустики с неровными ветвями, похожие на крыжовник, с листочками, размером с ноготь на мизинце, напоминающими миниатюрные березовые. Противостоя ветру, ее ветви переплетаются и цепляются друг за друга, образуя, порой, труднопроходимые заросли. Если сильно оголодаешь, из кисловатых листьев карликовой березки можно варить борщ, но больше она, в принципе, ни на что не годится.

Останцы – стоящие посреди горной тундры выветрившиеся скалы, напоминающие таинственные древние изваяния – одно из самых потрясающих зрелищ Полярного Урала

Вечером обнаружил, что правый сапог совсем порвался.

А вот это уже серьезно. Часы, конечно, жалко, но по сравнению с этим они – ерунда.

Из обуви ведь только пара сапог, да кроссовки, в которых по тундре не больно-то побегаешь. А ведь идти еще сотни километров. Взять новые сапоги просто негде. Господа! Не покупайте сапоги фирмы SALMON! Редкостное говно.

Мы с Димой смеемся. Это же надо, в один день просрать часы и сапоги! Впечатляет.

На поле с останцами я нашел камень, болтающийся, словно качели.

День 8-й, 4 июля, воскресенье Восхождение на Пайер

Оставив рюкзаки, направились к горе Пайер.

Наш путь пролегает по ущелью реки Лёкхай к одному из двух высочайших пиков Пайера, высотой 1427 метров.

Ущелье, в которое мы вошли глубокой ночью, в сумрачном свете зашедшего за горы солнца оказалось самым суровым и мрачным местом, которое мне приходилось видеть. Горная река, снежники, осыпающиеся крутые скалы. Кое-где кустики разноцветных горных цветочков и мха, но они совершенно не скрашивают почти марсианский пейзаж. Наблюдая каждое такое зеленое пятнышко думаешь: почему эти цветы выросли именно здесь, в этом месте? Поражаешься невероятной силе жизни, отвоевывающей себе место у скал. Местами на камнях пятна цветных лишайников, похожие на плесень – они бывают практически всех цветов: красного, зеленого, желтого. Почему-то тучи комаров, которые с воем вьются вокруг и не дают ни поесть, ни расстегнуть одежду. Что эти кровопийцы здесь делают, среди голых скал, снега и потоков ледяной воды?! Нас, что ли, поджидают? А главное, откуда они здесь берутся?

Цветной лишайник

Мелкие цветочки и мох – единственная растительность высокогорья. Видны также пятна красного и голубого лишайников

В ущелье

Часов пять поднимаемся, прыгая по курумам¹⁰. Дойдя до крутого склона останавливаемся в растерянности.

Мы не понимаем, как Александров здесь пролез.

Возвращаться не хочется. Слишком много сил истрачено, чтобы попасть сюда. Решили все-таки карабкаться. Дима определяет более или менее пологий склон. Однако это все равно стена из камней, вздыбившаяся вверх под уклоном градусов в 60.

Высота склона – метров 300. Никогда этого не забуду и вряд ли рискну повторить. Водопадик в скалах, кажущийся снизу едва заметной струйкой, когда мы добираемся до него, оказывается высотой с человеческий рост. То и дело слышно, как под камнями журчит вода.

Главная опасность – снежники. По краям, соприкасаясь со скалами, они подтаивают и делаются тонкими. Неаккуратно ступив, можно провалиться и сломать ногу в каменной расщелине. Наши с Димой ноги уже несколько раз проваливаются под снежную корку. Я оступаюсь, посох с треском ломается между камнями. Если сломать ногу, непонятно, кто тебя потом будет отсюда вытаскивать. Каменные осыпи, холод, комары, дров нет. В таких местах чувствуешь какой-то первобытный страх. Наблюдая голый камень на километры вокруг, подсознание протестует, против того, чтобы ты шел сюда. Это место абсолютно непригодно для жизни. Ты начинаешь понимать альпинистов. Да, они получают в горах свой экстрим.

Дыхание сбивается. Говорят, на севере из-за более тонкой атмосферы высота чувствуется острее. Останавливаясь, чтобы перевести дух, наблюдаем раскинувшееся внизу чашеобразное горное озеро с плавающими в нем льдами. Красота неопишная.

Вода в этом озере очень вкусная, видимо, из-за сильной минерализации. Кстати, сколько ж в этих горах всяких минералов! Постоянно под ногами попадают необычные камни – с бронзовыми или антрацитово-черными вкраплениями, или малахитово-зеленые. Когда мы спустились, я хотел еще и искупаться, но в этот момент задул сильный холодный ветер, и я понял, что купание в озере со льдом под холодным ветром будет слишком сильным испытанием для моего организма.

Добираемся до гребня и окидываем взглядом долину европейской части Урала. Далекие долины, узенькие, как кровеносные сосуды, ленточки рек, горы. Высота около километра. Местность выглядит как вид с самолета, или как горные долины, которые рисовали фоном на своих картинах старые мастера. Выглядывает солнце.

Его лучи пронизывают насквозь озеро внизу, и находящиеся в нем глубоко под водой льды светятся сквозь поверхность изумрудным светом. От этого вида у меня перехватывает дыхание.

Понимаем, что до вершины нам не добраться. Слишком опасный склон – а у нас нет никакого снаряжения. Как Александров залез туда – неясно. Ни в коей мере не подвергая сомнению авторитет известного путешественника, тем не менее, по его собственным заметкам, он лез сюда в сильный туман – при плохой видимости. К тому же, его описание восхождения слишком расплывчато. Возможно, Александров

---

¹⁰ Крупные, беспорядочно наваленные камни.

перепутал реальную вершину Пайера, с соседним пиком – мы же, при хорошей погоде, видели все ясно. Там идет узкий гребень, потом практически отвесная стенка. Да еще с ледником. Влезть, конечно, можно попытаться, но как слезать-то потом?! Это безумный риск. А мы еще и жутко вымотались.

На вершине гребня ветер разогнал комаров. Какое облегчение! Теперь мы понимаем, откуда они здесь берутся. Ветер просто несет их из тундры вдоль по ущелью. Им только крыльями остается перебирать. Они переваливают через гребень на высоте километра и оказываются в Европе. То же происходит и со стрекозами. По всему ущелью мы находим стрекоз. Падая в снег, они замерзают. Их здесь гибнет тысячи.

На гребне перекусили орешками. Из-за распухшей от комариных укусов рожи я напоминаю китайца.

Спускаться оказалось, естественно, труднее чем, подниматься. Правда, в выглянувшем солнце ущелье преобразилось. Теперь оно казалось не таким уже и мрачным. Однако возвращение все равно превратилось в ад. Оба слишком устали. Выходили мы вечером, так что теперь был разгар дня. Жара южная. Слишком тепло одеты, чтобы лезть по горам под солнцем, а снять куртки нельзя – комары. Даже не расстегнешься – от бесчисленных укусов шею тут же начинает жечь огнем.

Рассчитывали дойти до балка, который по пути издали приметили, и выспаться в нем. С огромным трудом добрались – там болотистая почва, и обнаружили, что он совсем разбит – ни окон, ни дверей. Тучи комаров с торжествующим воем ворвались за нами, пока мы, вздымая бока, как выкинутые на берег рыбы, валялись на грязных досках пола.

Оставалось только одно – идти к лагерю. Мы быстро окунулись в речку, немножко пожгли костер. После чего пошли.

Как добрались – сами не знаем. Но скорость мы развили невероятную. По горной тундре, полной кочек, ручейков, камней и карликовой поросли мы практически бежали, передвигая ноги, словно автоматы. Вспоминаются рассказы Кастанеды про походку Силы.

Совершенно сбил ноги, пройдя за день около 50 км.

На закате комаров так много, что на них фокусируется камера

День 9-й, 5 июля, понедельник

Днем спал в палатке, обливаясь потом. Какая же жара! Выскочишь искупаться – тут же комары и мошка разъедают в мясо.

Вечером половил рыбу. Вытащил двух хариусов. Больше просто не нужно. Здесь если хариус есть – он ловится так: закинул – вытащил, закинул – вытащил. Запекаем хариусов в сковородке на углях из карликовой березки. Мои ноги стерты совершенно. Я едва могу передвигаться по лагерю. Глядя на свои пятки, я ужасаюсь. Приходится потратить целый день, чтобы как-то их залечить.

Вышли к 12-и часам вечера.

EXTREME!!!

Шли 18 км. Я еле доперся. К утру снова вышли к Бурхойле. Это уже Пятиречье. Места поразительной красоты. Здесь высокие утесы над бурными горными реками, покрытые светлыми лиственничными лесами, над которыми кружат белоснежные чайки. Луга устилают ковер из цветов. Поскольку мы идем на юг, лес постепенно становится богаче. Появляются березки. Много кустов можжевельника.

Любуемся красотами, и тут нас неожиданно окружают буквально *тучи* мошки! За каких-то полчаса мне совершенно разъели живот. Приподняв полу куртки я с ужасом обнаруживаю, что все мое бедное пузо залито кровью. После этого я стал всегда заправлять куртку в штаны. Тут все так делают.

Мошка представляет собой одну из главных напастей севера. Комары, как они не досаждают, по сравнению с ней – наивные дурачки. Комар ведь почти не умеет ползать. Сквозь дырку, меньшую чем его тело, он уже не проходит. Мошка же пролазит сквозь самые мельчайшие щели! Она забирается в рукава, под полы одежды. От нее не помогает даже накомарник – она пролезает сквозь его ячейки, и жалит в места, где кожа самая нежная – за ушами, в веки. Единственное спасение – хорошее средство от комаров. Но его мы экономим, у нас всего по баллончику на брата.

В отличие от комаров, которые жалят своим хоботком, мошка питается по-другому: она прокусывает кожу и пьет вытекающую кровь. Ее слюна ядовита, и если сильно искушает, может стать плохо.

Справедливости ради, следует заметить, что с мошкой нам еще повезло. Мошка не любит жаркой погоды, так что она встречалась только отдельными районами, у рек. Практически не довелось мне повстречаться и с самой отвратительной разновидностью мелкой, как пыль мошки – мокрецом, кроме как под конец, в низовой тайге, когда я плыл по речке на барже.

Мало было и другой летающей гадости – слепней, которые, бывает, досаждают не меньше.

Вообще, на Севере кажется, что все, что может подняться в воздух, пытается пить кровь.

День 11-й, 7 июля, среда **Испытание первое – комары**

Стоим в Пятиречье. Я лечу ноги. Ночью у нас уплыло несколько хариусов. Ужасно жалко. Рыба эта очень нежная. При лежании она, даже еще не успев испортиться, очень сильно размякает, и рыбины, изогнувшись, выскользнули из дырки в погруженном в реку пакете и были унесены течением.

Пятиречье – фантастически красивые места, чем-то напоминающие толкиновский Итилиен. Если бы только не комары...

Двух хариусов мы засолили.

Из-за страшной суши рыбы необычно мало для этих мест. Дима досадует. Он рассчитывал на хорошую рыбалку.

Находим еще один брошенный вездеход и теперь я, страдая от боли в натертых ногах, уже сам начинаю вырезать себе портянки из синтепона. Материал плотный, режется ножом плохо. Я час обливаюсь потом, чтобы разрезать эти безумно грязные тряпки. Потом сую их в речку, чтобы отмыть. По-моему, вся река, от истоков вплоть до впадения в Танью, от этого делается мутной, как в детском анекдоте про походные штаны Анки – столько в этом вездеходном синтепоне грязи и пыли! Наконец, сушу и наматываю на ноги. Какие классные портянки! Волокна синтепона цепляются друг за друга, поэтому портянки держат форму, не сбиваются. Кроме того, они очень мягкие и заполняют все свободное место в сапоге – ноги не натираются совсем.

У синтепона есть только один недостаток – в конце концов, при длительном ношении и многочисленных стирках материал дает такую усадку, что портянки сжимаются раза в два, и их приходится выбрасывать.

Пятиречье – место, где сливаются вместе несколько крупных притоков, образуя реку Танью – одно из самых посещаемых мест на Полярном Урале. Во первых, из-за своей необычайной живописности, во-вторых отсюда пролегает популярный водный маршрут. Мы даже рассчитывали, что сможем встретить кого-нибудь из туристов, однако никого не встретили. Временами попадались, правда, следы пребывания туристических групп, вроде разломанной байдарки.

В Пятиречье я узнал, что такое настоящие комары. Даже Дима, несколько раз бывавший в заполярье, сказал, что с таким он еще не встречался. Сухое и жаркое лето привело к тому, что везде, где есть влага, эти твари размножились необычайно даже для этих мест.

В накомарнике нельзя сидеть у костра. Малейшая искра мгновенно сожжет его тонкую сетку и ты останешься вообще без накомарника (именно это, кстати, произошло с товарищем Димы Ромиком пару лет назад – он тогда чуть не рехнулся, как его закусали).

Так что, чтобы поесть или просто погреться у костра накомарник приходится снимать.

Комары окутывают тебя, словно плотный, гудящий кокон. Сидя на земле, ты не видишь своих штанов, из-за покрывающего их слоя комаров – копошащихся, переползающих друг через друга. В таком количестве они перестают бояться даже дыма – спокойно летают через него, как ни в чем не бывало. Ты поглощаешь их десятками из своей тарелки с супом. Ты набиваешь их вместе с табаком в трубку. Стоит провести рукой по плечу, и на ладони серая, пахнущая болотом масса из раздавленных комаров. Недаром северные народы верили, что комары порождаются зловонным дыханием духа болот.

В общем-то, в том, что они разводятся на севере в таком количестве, нет ничего удивительного. Здесь у них очень мало естественных врагов. Птиц немного. Мало стрекоз. Совсем нет лягушек. Зато после таянья снега вся тундра представляет собой бесконечное поле из лужиц, с насыщенной разлагающейся органикой водой – настоящий питомник для комариных личинок.

Любой случайно открывшийся участок тела за минуту покрывается красной распухшей коркой от укусов. Особенно страдают промежутки между кроссовками и штаниной – ведь не будешь же все время ходить в сапогах! – так что я в конце концов начинаю заматывать ноги тряпками. Бесчисленные укусы в одно и то же место вызывают уже не чесотку, а острую боль.

От этого количества комаров мы начинаем приходить в отчаяние. Мы всерьез обсуждали, не сойти ли нам с маршрута, пока это еще можно сделать! Днем мы вынуждены, несмотря на страшную жару, спасаться от гнуса в палатке. Мы валяемся в лужах собственного пота, но высунуться наружу практически невозможно.

Стоит приоткрыть полог, чтобы войти, и с тобой внутрь врывается не меньше сотни комаров. Мы травим их, чуточку подпаливая таблетку «Фумитокса», и с садистским удовлетворением наблюдаем, как они осыпаются с потолка.

Вой бесчисленных полчищ комаров проникает сквозь тонкие стены палатки, и когда я погружаюсь в зыбкую полудрему, мне кажется, что на меня, звеня шестернями, накатывает огромная поливальная машина.

Только ночью, когда температура падает, наступает кратковременное облегчение.

Согнувшись в три погибели в палатке, пришиваю к порванному сапогу голенище из резины от автомобильной камеры. Неплохая задача для человека, который последний раз шил на уроке труда во втором классе школы! Шью суровой ниткой и сапожной иглой, укрепляя шов для прочности стропой от рюкзака. Странно, но что-то даже получается.

Комары. Это еще не очень много. Я постоянно хожу в шапке, иначе начинает казаться, что у тебя на голове проели плешь. Проклятые твари легко прокусывают через волосы

День 12-й, 8 июля, четверг

*Намок от росы
Мой дорожный посох.
Горный рассвет.*

Полярный день по-прежнему в разгаре – всю ночь совершенно светло. Поэтому теперь мы предпочитаем идти ночью – меньше комаров. Единственное, что досаждают – холод и сырость, особенно под утро. Пока идешь под рюкзаком, естественно, не холодно, но присесть отдохнуть хотя бы на десять минут мешает холод.

Сало, оставшееся еще с поезда, пролежало в рюкзаке 12 дней и уже изрядно подтухло и пованивает. Но выбросить ценные животные жиры?! Мы режем его на две половины, одну жарим и съедаем с макаронами, другую варим в супе. Желудок отзывается лишь довольным урчанием.

День 13-й, 9 июля, пятница

Морда распухла от комаров. К тому же, грязная. Из-за этих тварей даже умыться как следует – проблема. Сидящий на корточках, с засоленным хариусом в руке, у костра, я напоминаю Кола Вильсона из «Мертвеца», пожирающего человеческую руку.

Ночью было очень холодно. Ночные заморозки в июле в этих краях не редкость. Дойдя до речки, мы разделись до трусов, чтобы не мочить штаны. Я оглядываю нас и начинаю ржать. На покрытой инеем гальке, с вырывающимся паром изо рта, под рюкзаками и без штанов мы смотримся, как какие-то нелепые нудисты.

Баня у Лагортаю

У реки Лагортаю располагалась база геологов. Все балки разрушены – но баня цела! К этому времени выходит солнце. Мы топим буржуйку. Баня удается на славу. Пар сухой, хороший – баня сколочена из лиственницы. На улице – прозрачная, холодная горная река. Выскочил – макнулся.

Одевая куртку, подношу нос к рукаву и чувствую натуральный такой бомжовский запах – смесь застарелого пота, дыма костра. Это плохо! Как говорится, туристы – не бомжи! Сую куртку в речку стираться.

Мыло в горных реках практически не мылится – вода очень жесткая. Кроме того, она такая ледяная, что болят руки. Самый простой способ что-нибудь постирать – прижать камнями ко дну. За ночь быстрое течение вымывает практически всю грязь.

Потерял зажигалку. Очень досадую по этому поводу – зажигалки у нас все наперечет. Весь день ищу ее, и, наконец, слышу взрыв в верхнем кармане висящей на солнце куртки. Черт!

День 14-й, 10 июля, суббота

Ручей во льду

Снова очень тяжелый переход. Прошли около 30 километров. Ноги буквально отваливаются. Проклинаю разваливающийся сапог, который при переходе через каждую лужу набирает воды. Немного сбились с пути и километров пять шкандыбали по голой тундре.

Горная тундра лишь издали выглядит ровной как стол. Как правило, при приближении, этот «стол» оказывается либо зарослями карликовой березки, либо, если даже повезет, и там камни и мох – все равно: то ручей, то ямы, поросшие осокой, то ивовый и ольховый стланник. Выглядит это так: прошел 100 метров – ручей. Сначала, путаясь в тонких и гибких, как лозы, ветвях, продираешься сквозь карликовые ивы у берега. В конце концов, это кончается тем, что ты неожиданно бухаешься в русло, и оказываешься по колено в воде. Чувствуя, как вода ледяным потоком заливается в сапоги и пропитывает портянки,

чертыхаясь, цепляясь руками за ветви, ты пытаешься вылезти по скользкой грязи, а тяжелый рюкзак, словно гирия, тянет обратно. Наконец, когда тебе это удастся, приходится снова продираться сквозь заросли на другом берегу.

Идти так – настоящее мучение, хотя, как я понял позднее, это, все же, лучше, чем тайга.

С трудом добрались до ручья Кэршор.

Ручей течет, пробивая себе путь через огромный снежник. Такое мало где увидишь. Огромные, высотой с пятиэтажный дом стены из снега потрескались, местами накренились, грозя обвалиться в воду: везде причудливые колоннады, арки, пещеры из снега, по которым течет зеленоватая в отраженном свете вода. В полубессознательном от усталости состоянии скачу по камням, глядя на это чудо природы. В затуманенной голове скачут странные мысли. А неплохо бы, вот, например, было искупаться сейчас в ванной с пеной и резиновым утенком, как в детстве. Почему бы, собственно, и нет? Правда, резинового утенка у меня нет. Черт, придется купить...

На ручье Кэршор

Залезаем наверх и видим долгожданный балок. Правда, по описанию Александра здесь должно было быть два балка и баня. Ни бани, ни второго балка уже нет. Зато тот, что остался! Утепленный, с печкой, абсолютно целый! Пожалуй, это был лучший балок, который мы встретили за все время.

Окончательно мы убеждаемся, что место это непростое, когда находим лампу и бидон с запасом керосина к ней. В шкафчике много продуктов – включая сахар, кофе и томатный соус. Вокруг валяются белые олени шкуры и коробки из-под патронов. Явно, что какое-то начальство прилетает сюда зимой на вертолете пострелять оленей. Предположение подтверждается, когда мы находим патроны от автомата Калашникова и нашивку «МВД». Посадочную площадку для вертолета мы обнаруживаем дальше в горах. В остальных же отношениях место очень труднодоступное, так что все в абсолютной сохранности. Возможно, хозяева балка будут весьма удивлены, узнав, что здесь побывали туристы.

Пишу это, сидя за столом, при свете керосиновой лампы.

Наварили огромную кастрюлю макарон, и, поев, умиротворенные легли спать на лежанках, покрытых оленьими шкурами.

Дима, со свойственной ему энергией, предварительно сбегал еще и осмотреть окрестности. «Там, – говорит, – озеро и остатки от шезлонгов!» Надо же, тут кто-то еще и загорал. В это трудно поверить. Я, естественно, никуда не ходил. У меня болит все тело – плечи, поясница, мышцы живота, ноги. Особенно суставы коленей и пяток – из-за непривычной нагрузки от постоянного хождения по камням с рюкзаком.

День 15-й, 11 июля, воскресенье

Ночью снится забавный сон в духе Филиппа К. Дика.

Я дома. В окна ярко светит солнце. С кухни доносятся приятные ароматы готовящейся еды. Заходит Виталий и я болтаю с ним о чем-то в прихожей. Тут он спрашивает меня:

– Который час?

– Ха-ха, не знаю, часы-то потерял, – отвечаю я.

В этот момент мать, улыбаясь, подает мне мои часы. Все начинают хихикать: надо же, а думал, что потерял!

Я задумываюсь.

– Но я же точно помню, что потерял их!.. Где-то на черте полярного круга. Оставил в тундре...

Смотрю на часы, которые у меня в руке, потом в ярости швыряю их на пол и ору:

– Мля, значит я все еще там!

***

Ноги страшно отекли. Я просто ужаснулся, поглядев: ступня распухла раза в два.

«Это ты почки застудил!» – сказал мне потом инструктор по туризму Иван Николаевич из Саран-Пауля. Тогда я, впрочем, этого не знал. Может, и к лучшему. Лечение ограничилось отлеживанием в балке.

Опять полдня чищу сапог, стараясь пришить к нему резиновое голенище, найденное ранее в полуразрушенном балке. Как же задрало шить! Но делать нечего. Протекать, конечно, все равно будет, но главное, чтобы ноге было удобно.

Погода наконец-то начинает портиться. Нанесло туч, накрапывает мелкий дождик. Но пока еще тепло. Снова полно гнуса: и комары, и мошка – все сразу.

Отдых у охотничьего балка

Мы торопимся. Лето в этих краях длится всего месяц, в августе уже выпадает снег, и, двигаясь к югу, мы как бы убегаем от зимы. Задерживаться здесь до холодов опасно: идти по снегу будет слишком холодно – придется просто каждые несколько километров останавливаться, чтобы греть ноги. Однако, именно это нам грозит в случае непредвиденной задержки: например, если погода испортится и все реки сильно разольются. Любая речушка в этих условиях может превратиться в непреодолимое препятствие, и можно просидеть на берегу неделю, ожидая, пока вода спадет. А здесь таких рек – десятки. Начинаящиеся дожди заставляют нас помрачнеть.

Как ни уютно было бы еще денек посидеть в теплом и сухом балке, мы собираемся в дорогу.

Мы оставляем продуктов: гречки, макарон, но берем кофе и сахару. На Севере так принято: что-то взял, что-то оставил.

День 16-й, 12 июля, понедельник

Двигаясь по горам, на ходу сочиняю песенку на легкий, веселенький мотив:

The light will give you a friend,
While travelling to higher land, higher land
The wind will give you a friend,
While travelling to higher land, higher land, a-ah

Cloud in the night
Floating in starlight
Watching what you do
Always being with you

The mountains will give you a friend,
While travelling to higher land, higher land
The river will give you a friend,
While travelling to higher land, higher land, a-ah

Thoughts are being with you
Asking what to do
You don't know what to say
You're travelling away, away...

18 километров по ущелью. Чуть не сдох. Река Лагортаегарт, приток Малой Лагорты. Дороги здесь кончились. Окончательно – теперь их не будет до самого Кожима. Погода пасмурная. Время от времени начинается дождь, но быстро перестает.

Ущелье очень узкое. Мы жмемся к скалам: внизу, метрах в десяти, среди острых обломков камней и льда бурлит быстрая река. Скальная полка – каменистый выступ над несущейся внизу водой. Начинаю облезать и понимаю, что завис в неопределенном положении, с рюкзаком болтающимся в пустоте.

Чувствую, что сейчас потеряю равновесие. Что делать? Скидывать рюкзак? Рука тянется к застежке. Я понимаю, что если сейчас скину рюкзак, хрен знает, как я потом спущусь к нему по скользким отвесным скалам, по льду, и вытащу из реки.

Только не паниковать! Невообразимо извернувшись, я сантиметр за сантиметром продвигаюсь вперед. Наконец, пятка находит опору. Перехватываюсь рукой.

Кажется, пронесло.

***

(гастрономическое отступление)

По всему Полярному и Приполярному Уралу растет забавное растение: дикий лук. Это зеленые мясистые стебельки, увенчанные ярко-фиолетовыми цветами, напоминающими помпончики с детской шапки. На вкус его стебли мало отличаются от обычного садового лука, но, пожалуй, повкуснее: он не такой жгучий, очень ароматный, достаточно мелко порезать и посолить, и можно есть, как салат. На протяжении месяца для нас это главный источник витаминов.

Дикий лук

Решили с Димой открыть ресторан «Полярный Урал». Немного подумали над меню.

Суп из крачки. Ингредиенты:

1. Сбитая палкой крачка, очищенная от перьев и внутренностей.
2. Два бульонных кубика.
3. 50 г мелко порезанного дикого лука.
4. 20 г сухой моркови.
5. Лавровый лист.

Варить в 1 л воды 15 минут. Подается в закопченном котелке, разливается в алюминиевые миски. Тушка крачки делится по-братски.

Салат «Северный». 100 г дикого лука очистить от цветов и старых жестких стеблей и мелко порезать. Добавить приправы для корейской моркови и соли. Растереть в тарелке ложкой.

Коктейль «Северный». Налить 25 г спирта в колпачок из-под флакончика от антикомариной жидкости. Подождать, пока нападет 50 шт. комаров. Если взять комаров, напившихся крови, получится коктейль «Кровавая Мэри на Севере». Край кружки украсить ломтиком ягеля. Следить, чтобы не попадала мошка: ее даже в коктейле видеть неприятно.

Хариус малосольный. Свежевыловленного хариуса очистить от чешуи и внутренностей. В разрез в брюхе и в хребте насыпать соли. Завернуть в полиэтиленовый пакет и оставить под камнем на 24 часа. Есть руками.

***

День 16-й, 12 июля, понедельник (продолжение)

На перевале, выйдя из ущелья, понимаю, что дальше идти не в состоянии. Начинаю спорить с Димой, который напирает на то, чтобы добираться до леса. В кой-то веки удается его переспорить. Дима недоволен. Дров здесь нет. Найденной сухой карликовой березки едва хватает на то, чтобы даже не вскипятить, а хотя бы нагреть воду. Растворяем в ней сухую вермишель, едим и заваливаемся спать в палатке. Идет дождь.

День 17-й, 13 июля, вторник

Я оказался прав. Чтобы добраться до леса, у нас уходит еще целый день тяжелейшего пути, хотя по карте, вроде бы, расстояние и небольшое. Дорога невообразимо трудна. Целый день прыгаем по камням.

Процесс хождения по камням утомителен и монотонен – глаза без конца ищут плоскую поверхность, чтобы сделать очередной шаг; ноги переступают – с камня на камень, с камня на камень, – и так без конца. Разнообразие вносят только редкие случаи, когда наступаешь на качающийся камень и резко отскакиваешь в сторону, либо, со сдавленным криком, начинаешь заваливаться, влекомый вниз тяжестью рюкзака.

Мы спускаемся к большому продолговатому озеру с ярко-зеленой водой. Один раз я все-таки оступаю и падаю. Рюкзак горой наваливается сверху. Я лишь успеваю выставить вперед руки. Лицо останавливается в нескольких сантиметрах от острых камней. Отделался ободранной ладонью.

Перекур

Видели потрясающие останцы. Зеленые пятна мха поразительно соответствуют черному цвету и остроконечной форме камней, создавая видимость каких-то космических кристаллов.

Практически ни одна группа останцев не похожа на другую. Они обладают своей неповторимой индивидуальностью. Эти камни такие древние, что рядом с ними чувствуешь себя песчинкой во времени. Они мало отличались по виду от сегодняшних еще в те времена, когда люди бегали вокруг, периодически опираясь на все четыре конечности.

Каких только останцы не бывают форм

День 17-й, 13 июля, вторник Ущелье реки Погурей

Мы в самой дикой и безлюдной части Полярного Урала. Здесь нет ни геологов, ни оленеводов – никого. Немножечко странно и тревожно осознавать, что на ближайшие 100 километров в любую сторону от тебя, скорее всего, не найдется ни одного человека.

Снова стоит солнечная, жаркая погода. На склонах гор прозрачные лиственничные леса, заросли кустарника. Ручьи текут по белым камням. Невиданная красота, особенно когда посчастливится наблюдать ее при хорошей погоде. Арбузов бежит фотографировать останцы, которые тут повсюду. Ему, как фотографу, невероятно везет – и вдохновленный этим счастьем, он, кажется, даже не чувствует усталости. Мало кому удастся столько же поснимать эти горы при ярком солнечном свете. У меня слишком болит колено. Пальцы обжигает слепень. Величая его нехорошими словами, отбрасываю в сторону.

Забираемся по склону. Сверху раскидываются невероятные виды на пронизанные небесно-голубыми реками лиственничные леса в 500-600 метрах под нами. Яркий солнечный свет. Мы бродим между останцами, залезая то на тот, то на другой. Вокруг беспредельность пространства залитого светом горного плато. Солнечные лучи искрятся в маленьких шумных водопадах.

Life is just a dream
You have never seen
Singing you a tune
That always will remain
with you...

Лиственничные леса с высоты птичьего полета

Дорога вниз трудная: то ручей, то яма, то заросли кустов и травы. Здесь растет травка с фиолетовыми, похожими на стручки цветочками и широкими, причудливо изрезанными, как у марихуаны, листьями. Это аконит – чрезвычайно ядовитое растение. Токсичность аконита зависит от свойств почвы, на которой он произрастает, но в больших скоплениях даже запах его бывает ядовитым. Некоторые народы использовали сок аконита для изготовления яда для наконечников стрел. На нашем пути попадаются целые овраги, сплошь поросшие высоким, в человеческий рост аконитом.

На привалах испытываю непреодолимую слабость. Организм остро реагирует на запредельные физические нагрузки. Кажется, что сила тяжести увеличилась вдвое, и хочется даже не просто улечься на землю, а растечься по ней в лужу. Но приходится вставать, искать дрова, набирать воду, разводить огонь.

Вдобавок, весь хворост страшно отсырел от прошедших дождей. Каждый костер теперь у нас превращается в проблему. Дима говорит, что у него уже комплекс образовался, что, вот, сейчас не удастся ничего разжечь. Битый час пытаюсь вскипятить чай на сухой карликовой ольхе, раздувая огонь силой своих легких и крепкими ругательствами.

Вокруг вздыбились склоны – я на маленьком горном плато. В небе кружит огромная черная птица – размах крыльев порядка двух метров. Непосредственно надо мной – тучи назойливых комаров.

Возвращается Дима. Чуть не разбил себе ноги, в запале съемки плюхнувшись коленями на мох, под тонким слоем которого оказались голые камни. Но ничего, полежал немного, обошлось. Лишь все колени синие. Пьем спирт, закусывая остатками орешков.

Каждую ночь я встречаю, как праздник. Боже мой! Восемь часов лежать на спине и никуда не идти! Вот уж, поистине, когда начинаешь ценить простые удовольствия.

День 20-й, 16 июля, пятница

Река Тумболова. Девственный лес в ущелье. Нетронутый, нерубленный. Всюду звериные тропы. Встретились первые на всем пути елочки. А вчера видели рябинку.

Растительность Полярного и Приполярного Урала коренным образом зависит от высоты, на которой находишься. Таким образом, то поднимаясь на перевалы, то спускаясь в ущелья, постоянно оказываешься словно бы в совершенно разных климатических зонах – то в густой горной тайге, с лиственницей, кустарником а, ближе к югу, даже и с деревьями типичными для средней полосы; то в горной тундре, поросшей мхом и карликовым стланником; а выше 600-800 метров нет ничего, кроме голых скал, снежников и камней. Это разнообразие природных условий – одна из самых интересных черт путешествий по Уралу.

День 21-й, 17 июля, суббота

Остановились на краю глубокого обрыва у ущелья Южной Чигим-Харуты. Печем на углях лепешки с изюмом, которые тут же прозвали «лембасом». Вкусно до умопомрачения.

Ущелье Южной Чигим-Харуты

Благодаря грамотному набору продуктов мы с Димой неплохо питаемся – я, наверное, дома меньше ем; однако безумные физические нагрузки приводят к тому, что я все равно испытываю практически непрекращающееся чувство голода. После сытного обеда это чувство лишь ненадолго стихает, чтобы где-то через часок вернуться опять.

Рюкзак в этих краях – твой переносной дом. Как говорил Арбузов при выходе, «это – единственные вещи, которыми ты будешь обладать на протяжении двух месяцев!» Истинная правда. От каждой мелочи, которую несешь с собой, зависит жизнь и здоровье. Но, все же, несмотря на то, что ты это понимаешь, от ежедневного собирания-разбирания рюкзака в течение месяца, – сворачивания палатки и пенки, сдувания подушки, убирания вещей, – начинаешь потихоньку звереть.

Поставив палатку, отправляюсь по-большому в кусты. Пока сижу, комары превращают мою задницу в пиццу.

День 22-й, 18 июля, воскресенье

Встреча с хантами

Днем проходим великолепную долину с огромным количеством останцев. Дима фотографирует, как заведенный. С погодой ему везет. Если останцы на более часто посещаемом туристами Приполярном Урале все сфотографированы-пересфотографированы, то в этих труднодоступных местах хорошо поснимать при солнце – удача.

Большие скопления останцев нередко напоминают развалины древних крепостей или городов

Вечером взбираемся на один из самых трудных перевалов за все время похода. Жарко. Пот по спине стекает в штаны, течет по ногам. В сапогах хлюпает. Карабкаясь по крутому склону из последних сил, временами помогая себе руками, я чувствую, как заходится сердце в груди. Еле доползаю до стоянки, и плюхаюсь спать в палатке. Проспав час, с удивлением слышу, что Дима снаружи с кем-то разговаривает!

Мы встретили людей! Это оленеводы. Ханты. Стоят здесь первый год.

Хантов двое – постарше и совсем молодой. Старшего зовут Герман. Разговариваем с ними у костра. У оленеводов лица с приплюснутыми носами, широко расставленные, но не раскосые глаза. Мужчины имеют забавную манеру носить на голове цветастые косынки. Говорят со своеобразным акцентом. Они еще очень издалека заметили нас и решили сходить посмотреть – всего-то 7 км, для этих людей – не расстояние.

Оленеводы с интересом рассматривают наше снаряжение: палатку, алюминиевый котелок. Расспрашивают обо всем. Мои чиненые-перечиненые сапоги производят фурор.

Туристы здесь, все-таки, бывают. Герман увлеченно рассказывает нам про какого-то чеха, по имени, кажется, Петер Мейер, который проходил здесь в прошлом году. Он шел маршрутом обратным нашему – к станции Полярный Урал. Вначале ему своеобразно повезло – он встретил медведя. Медведь стоял на тропинке, и уступать дорогу не собирался. Предприимчивый чех разложил на дороге сухарики, и, пока животное поедало их, быстренько облез тропинку стороной. Далее ему повезло меньше. Переходя через Погурей, он зачем-то снял сапоги (чего вообще-то делать никогда не следует – нужно только вынимать портянки, чтоб не промокали, в сапогах по речному дну ступать надежнее) – причем (здесь вторая его ошибка) не приторочил сапоги к рюкзаку, а держал в руках. Река разлилась от дождя, чеха снесло и сапоги он упустил. Рюкзак он тоже отстегнул, но выловил ниже по течению, а вот сапог лишился. В результате, далее он километров сто топал босиком, пока на покинутой оленеводческой стоянке не нашел какие-то галоши.

Босиком по Полярному Уралу! По камням, да по тундре. В самые комары. Мужик явно хлебнул экстриму по полной.

Знают здесь и Александрова. Чуть дерябнули с оленеводами спирта, выкурили с ними, передавая по кругу, трубочку, подарили им 1,5 кг гречки. Пока Арбузов фотографирует, я валяюсь в палатке. Слабость страшная, причем, никак не проходит.

День 23-й, 19 июля, понедельник У хантов

Вечером направились в гости к оленеводам. Прошли около 7-ми километров до их стоянки, преодолели одну довольно глубокую речку. Масса впечатлений. Ханты такие милые, скромные люди. Ночевал в чуме на оленьих шкурах. Самая экзотическая ночевка в моей жизни.

Ханты. Мужчина вырезает детали для саней. Свободного времени у них для этого достаточно – ведь на стойбище 6-7 взрослых мужчин, а пасут оленей они по очереди. Женщина одета в национальную одежду. На мужчине

сапоги из оленьей шкуры. Косынки – видимо, дань огромному в этих местах количеству гнуса. Сниматься ханты не очень любят. До сих пор у них бытует суеверие, что фотографирование не идет человеку на пользу

Чум – удивительное сборно-разборное сооружение. Ведь оленеводы постоянно мигрируют, перенося свои жилища с места на место. Во-первых, я никогда не думал, что он такой высокий – в высоту он метров пять. Громадные закопченные балки из лиственницы удерживают эту конструкцию, перекрещиваясь в отверстиях наверху.

«А как вы туда залазите?» – задирая голову спрашиваю я, имея в виду, как они натягивают шкуры. Шестилетняя дочка Германа хихикает надо мной. «Да мы шестами», – отвечают мне.

Хантская мадонна

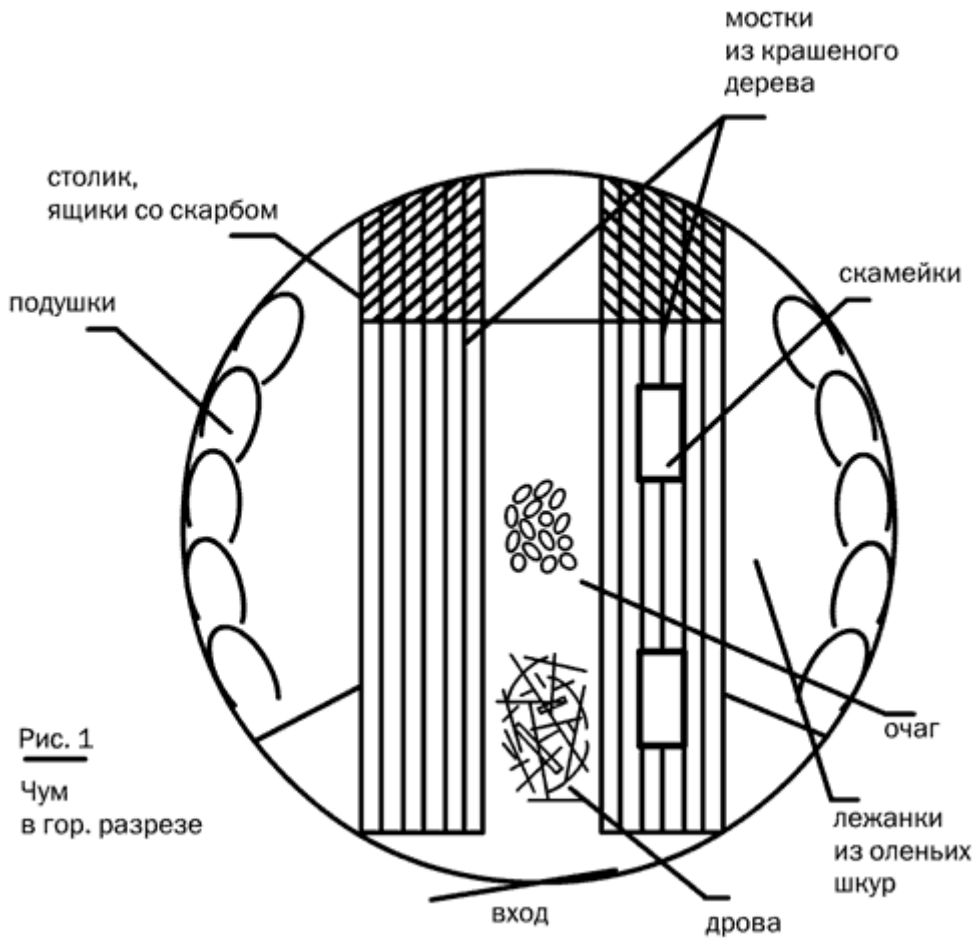
Странно – но в чуме нет комаров. Это почти необъяснимо, учитывая сколько их на улице, а шкуры в нижней части не везде плотно прилегают к земле. Но факт остается фактом – не было ни одного комара. Через отверстия внизу в чум периодически забираются собаки и спят на лежанках. Собак здесь любят, они как члены семьи. Если собака залает на гостя, на нее прикрикивают: «Фр, фр!» – и собака послушно затихает. Но большинство тихие, можно даже погладить. Пушистые собачки, похожие на лаек. «Смотри, это Стрела, – рассказывает мне девочка. – У нее нет половины лапы. Попала в капкан. Ей уже десять лет, старая».

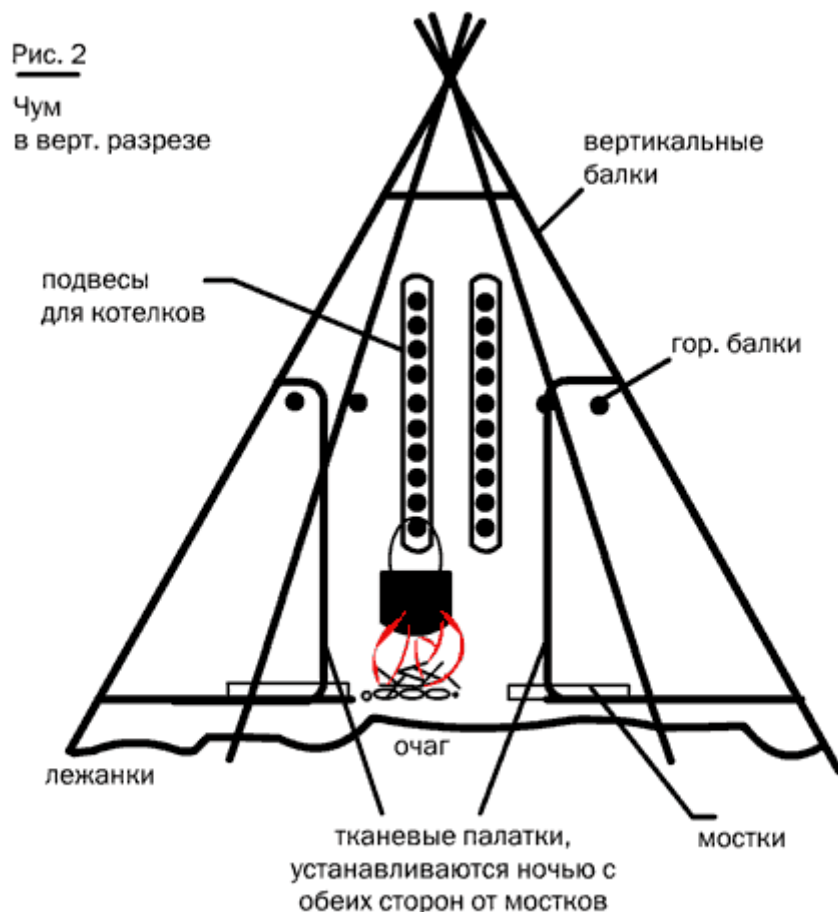
В чуме очень чисто. Как в квартире. На лежанки садятся, снимая обувь. Не желающим сидеть на земле подают низкий стульчик из крашеного дерева. Стол тоже очень низкий. Костер в чуме разводят вечером, когда холодно. Днем, когда жарко – на улице.

Внутри ведет откидывающийся полог. Я, не зная, что шкура откидывается, сначала заползаю под ним. Девочка снова хихикает.

Нас позвали на чай – однако, помимо чашек с чаем тут же подали макароны с мясом. К моему удивлению, хозяин достал одну единственную рюмашку и больше доставать не собирался. Так и пили – по очереди из одной рюмки, видимо, здесь так принято. Еду также раскладывают в два глубоких тазика, и все лезят в них ложками. Чая здесь пьют очень много – чашек по 5-6. Чувствуется, как трепетно

относятся хозяева к горячей еде и питью. Подогревают чайник. Если отказываешься от очередной чашки, говорят: «Ну, выпейте горяченького!» Неудивительно, учитывая как здесь холодно большую часть года.

Принесенный нами спирт быстро кончается. Хозяин достает свой. Всего мы усидели, наверное, две с половиной бутылки водки на четверых. Много историй про медвежью охоту. Медведь у хантов – священное животное. На улице привязан маленький медвежонок. Хозяин наткнулся на мать с медвежатами и каким-то чудом сумел увести одного. Характер у зверя злобный: маленький, а рычит уже так, что звенит в ушах; встает на задние лапы, норовит цапнуть когтем и укусить острыми зубами. Хозяин не знает, что с ним делать дальше, когда подрастет.

Пойманный медвежонок

Как я не отбрыкивался, мне были вручены новые сапоги. Впрочем, на следующий день я все-таки всучил отнекивающемуся Герману за них деньги. Надеюсь, никого не обидел.

Подтверждаются рассказы о том, что у северян в крови очень мало фермента, разлагающего алкоголь. Мы с Димой давно протрезвели, а хозяин все буянил и распевал песни. Все же, оленеводы, продолжающие вести традиционный образ жизни не спиваются, в отличие от их собратьев, живущих в городах.

Вообще, люди эти на удивление напоминают индейцев. Простая, скромная жизнь, в единении с природой. Впрочем, говорят, северные народы и произошли от индейцев, переправившихся из Северной Америки.

День 24-й, 20 июля, вторник

*Как помру, похороните
Под большим останцем,
И не вспоминайте,
Каким он был засранцем*

Утром еще были у хантов. Вечером тронулись в путь. Я сфотографировался на останце, удивительно напоминающем по форме подводную лодку.

We all live in a yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine...

День 26-й, 22 июля, четверг

Медвежий лес

Наконец встретили медведя. Он сидел, таясь в кустах, буквально в двух метрах от дороги, и, при нашем появлении, вскочил и унесся в чащу. По лесу словно пронесся буран. Скорость передвижения этого большого животного поражает. Если бы ему пришлось в голову побежать в нашу сторону, мы бы не успели даже опомниться. Но медведи, как правило, не стремятся к встрече с людьми.

Лес здесь какой-то сказочный, словно сошедший с картинок из детских книжек. По нему идет очень ровная, желтая каменистая дорога. Лиственничные леса все светлые, ветви почти не задерживают солнца. По сторонам синеватые горы. Кажется, еще чуть-чуть, и из-за стволов выступят гномы.

Вечером – гроза. Мокнем.

Я намочил в воде дневник, сушу его теперь над костром. Дима, рубя дрова, умудрился прорубить сапог. Это неприятность. Укладываясь ночью спать, под шум барабнящего по тенту дождя, я говорю:

– Все-таки, здешний мир не для людей. Он для медведей, комаров, крачек... А человек здесь – как незваный гость.

– Ты знаешь, я тоже, бывало, так думал, – отвечает Дима. – И тем не менее, люди однажды побывавшие здесь, почему-то, возвращаются сюда вновь и вновь.

День 27-й, 23 июля, пятница

Испытание второе – дождь

Весь день идет дождь. Какой же экстрим! Речки разлились настолько, что заливают мне болотные сапоги. При переходе меня здорово сносит, и я все время отчаянно упираюсь палкой.

Продираемся через лес, через мокрые кусты, с ветвей которых вода течет тебе за шиворот. Полдня. Ноги скользят по грязи. Порой густые заросли не дают идти, и приходится брести в реке, по пояс в ледяной воде.

Этот день во многих смыслах стал переломным во всем путешествии. После него мы окончательно поверили, что нам везет.

Перед нами перевал. Лезть или не лезть? Дима в раздумьях. Если там туман, у нас могут быть серьезные проблемы.

Путешествовать по ущелью в туман – плохая затея, даже если есть GPS. Вероятно, ты не заблудишься, но можно целый день, рискуя ногами, прыгать по курумам, не зная, что в ста метрах от тебя ровная тропа. Ее просто тогда не разглядишь. В общем, в туман на перевал лучше не соваться.

Дождь все усиливается. В конце концов решаем встать на маленькой горизонтальной площадке у кромки леса, на склоне. Дождь припускает по-настоящему. Гром, молнии. По склону, где я ставлю палатку, с шумом несутся потоки воды. Пока я натягиваю тент, промокаю до нитки. В одних трусах, залезаю в палатку. От моего тела валит густой пар. Отчаянно пытаюсь своими носками убраться

лужи воды с пола. Вместе со мной в палатку врываются тучи комаров, впиваясь мне в спину, в ноги. Арбузов заваливается следом. Заворачиваемся в спальники и начинаем глушить спирт. Выпиваем много, наверно, грамм двести. Дождь чуть ослабевает. Изрядно захмелевший Дима вылезает, и с воинственными криками начинает рубить дрова и разводить костер. Каким-то чудом ему это удастся. Зовет меня выходить. Кряхтя, я натягиваю мокрые штаны и, поеживаясь, вылезает. От костра тепло. Пьем чай. Светлеет. Смотрим – перевал расчистился от облаков. Дима призывает собираться и лезть на перевал, пока его снова не затянуло. Я, нехотя, сворачиваю только что с таким трудом поставленную палатку, и мы выходим...

Весь вечер, часов шесть лезем в гору. Я просто подышаю от усталости. Пронзительный холодный ветер. Пока лезем вверх, жарко; едва останавливаешься, тут же замерзаешь. Не передохнуть. Но тумана нет. Спускаясь, на склоне, вдалеке, видим странное сооружение, чернеющее посреди травы. Балок? Приближаясь, видим, что балком это быть не может: не двухэтажный же! И лишь подойдя ближе, выясняем, что это одинокий останец. Нигде поблизости нет больше ни одного. Удивительное место! Останец торчит посреди склона, как столб. Находим оставленные кем-то дрова, разводим костер и начинаем варить еду. Как выясняется, вовремя. Ветер стремительно наносит с гор туман, и вскоре все затягивает его мрачноватая белая пелена. Туман плюс холодный ветер – не лучшее сочетание. Фактически, мы в облаке, которое несет через перевал. Несмотря на костер, мы трясемся от холода. На этом туманном ветру ничего не сохнет – наивная попытка посушить спальники приводит лишь к тому, что они промокают еще больше.

Одинокие останцы у хантов являются святыми местами. Там принято оставлять всякие вещи – дрова, патроны, гвозди, перочинные ножики, костяные колечки для упряжи, монетки – некоторые очень старые, 20-х, 30-х годов. Небольшой кусок кости с красной резьбой. Находим даже старый раздолбанный тамагочи.

Мой промокший синтетический спальник хоть немного греет, Дима же в своем пуховом чувствует себя, как в луже. За ночь он чуть не рехнулся. Мне, впрочем, тоже не жарко. Выпадающий из облака конденсат шелестит по ткани тента.

День 28-й, 24 июля, суббота

Когда просыпаемся, погода точно такая же. Собираемся, и, не завтракая, спускаемся вниз. По мере того, как мы идем, ветер стихает, туман рассеивается. Вскоре начинает проглядывать солнце. Мы преодолели перевал. Так мы доходим до реки с замечательным названием Мокрая Сыня.

Второй раз у хантов. Кровавое пиршество

Дойдя до Сыни, радуемся солнцу, как полоумные. Здесь старая стоянка оленеводов. На этих стоянках всегда очень чисто – оленеводы не оставляют за собой никакого мусора, а вытопанные площадки от чумов прекрасно подходят для установки палатки. На скрещенных палках для сушки мяса развешиваем свои вещи и спальники.

Дима залезает на пригорок и обнаруживает, что новая стоянка неподалеку – может быть, всего в километре отсюда, хотя перспектива в горах бывает обманчива. Недолго думая, берем дорожные шесты и идем.

Едва приблизившись, видим множество мужчин-оленеводов, занятых делом. Каждая семья разделяет свою оленью тушу. На нас обращают немного внимания. Я с интересом наблюдаю за процессом разделки туши и снятия шкуры – никогда не видел. Свежая шкура с обратной стороны исключительно гладкая, покрыта скользкой блестящей пленкой. Это потом, при сушке, эта пленка твердеет, из-за чего шкура требует кропотливой выделки. Женщины хантов часами сидят, перетирая шкуру руками – отчего та снова становится мягкой, и из нее тогда можно делать рукавицы, сапоги. Резиновых сапог раньше не носили – только самодельные, из шкур. Поражает мастерство мужчин в разделке туши, отточенность их движений.

Вынутая из горла оленя белая трахея напоминает толстую гофрированную трубу.

Хант ловко разрубает остро отточенным топором череп, доставая мозг. Глядящий на меня глаз мертвого животного отсвечивает зеленым.

Начинаем расспросы. Как выясняется, забой оленей производится периодически. Устраняются хромые, повредившие ноги олени, которых, если и оставить, все равно, неизбежно, съедят волки.

Волки – злейшие враги оленеводов. Вопреки распространенному мнению, волки задирают значительно больше животных, чем в состоянии съесть. Напавшая на стадо волчья стая способна за одну ночь убить до двух десятков оленей.

Раздаем детишкам конфетки – те, стесняясь, благодарят. Как всегда, мило беседуем: куда идем, откуда пришли. Северяне любят сначала осторожно поговорить, прежде чем звать в гости. Не нужно спешить: если ты им понравишься, это последует неизбежно.

Нас зовут в противоположный конец стоянки, мы подходим и тихо охреневаем. Картина такая: туша оленя, с вынутыми внутренностями лежит кверху брюхом. Внутри лужа крови, в которой плавают куски мяса и печени. Ханты вылавливают

мясо руками, режут ножиками, пихают в рот, едят. У всех руки в крови. Рядом с тушей бутылка водки. Нас зовут присоединиться.

Кровавое пиршество

Присаживаемся, все еще не зная, есть или нет. Нам выуживают кусок мяса. Отрезаем себе по маленькому ломтику. Мясо удивительно вкусное, еще теплое, оно тает во рту. «Посолишь бы!» – удивленно говорит Дима. «А мы так солим!» – улыбается хант, макая мясо в кровь. (Как потом выяснилось, в кровь добавляется немного соли.) Нам тут же наливают водки. «Ну, что ж, за вас, за хорошую погоду...»

Я отрезаю себе уже третий кусок. Дима, смеясь, фотографирует, как я измазанными в крови пальцами пихаю в рот мясо. Я пробую печенку: удивительно нежная, сырая она совершенно не горчит. Тянусь еще за куском и вылавливаю что-то не то. «Нет-нет, это кровь свернулась, это мы не едим, – останавливает меня хант. – Вам печень? Вот.» – И подает еще кусок.

«Нельзя есть сырую печень! Ни в каком виде!» – гневно отчитывал меня потом один парень-турист, детский врач из Питера. Понятно, что ханты об этом не знают, поэтому спокойно едят ее всю жизнь.

Мясо!

Оленеводы смеются, шутят, выбивают из костей мозг, угощают нас. Замечаем, что и остальные семьи пируют схожим образом. Едят даже очень маленькие дети. Особенно поразила крохотная девочка, от роду, наверное, годик, сидящая напротив, которая мусолит маленький кусочек мяса. Вместо ножа у нее консервная открывашка.

Я окончательно убеждаюсь, что у хантов принято пить из одной рюмки. Причем, ее передают по кругу обязательно по часовой стрелке, по солнцу.

Девочка тоже ест сырое мясо

Поедание сырого мяса при разделке оленей – здесь особый ритуал, но мы-то как вовремя нарисовались! Дима светится от счастья – удалось сделать такие кадры. «Не надо нам ни огурцов, ни помидоров, – улыбается женщина. – Вот наши витамины!»

Ну, и я тоже не остался в стороне

Помнится, в детстве, глядя, как бабушка разделывает мясо, всегда подмывало его попробовать. Так что, можно сказать, я удовлетворил потаенное детское желание.

Естественно, я думал, что от сырого мяса меня затошнит, или, как минимум, разболится живот.

Как бы не так! Желудок отреагировал только довольным урчанием.

Потом посидели в чуме, поговорили с оленеводами. Чум такой же, но Герман живет не в пример богаче – один в чуме с женой, ребенком и братом; а здесь одновременно аж три семьи! На ночь они отделяются друг от друга, устанавливая внутри тканевые палатки. Оленевод, представившийся Стёпиком, показывает сломавшееся радио. Я немножко разбираюсь в электронике, но, увы, без паяльника здесь нечего делать. Починить мы не смогли. Так что сидеть бедным оленеводам без радио до конца года. Подлючие барыги с вездеходов загоняют им паршивенький китайский радиоприемник, которому красная цена 300 рублей, за 1000. Тяжело живется.

Потом оказалось, что хант по имени Эдик как раз отправляется на дежурство. Дежурят оленеводы по очереди: сутки, с 5 вечера до 5 вечера. Эдик пихает в мешок каких-то сушек, привязывает пушистую белую собаку на веревочку и отправляется в гору. Мы уже видим оленей, темными точками перемещающихся по склону. Оказывается, чтобы пасти стадо, оленеводу достаточно одной собаки. Собачка обучена по команде загонять обратно отбившегося оленя. Эдик движется по горам с фантастической скоростью. Его зоркие, привычные глаза на недоступном для нас расстоянии замечают на склонах оленей. «Я пойду на ту сторону сопки!» – кричит он и исчезает. Оленье стадо просто огромное – 1000 голов, но нам говорят, что это еще не очень большое. Олени сидят, лежат, пережевывая жвачку, пасутся, выщипывая мох. Приблизится к ним, к сожалению, невозможно – сразу разбегаются. Только на стоянке есть маленький ручной олененок на привязи, с которым играют детишки – он у них вроде кошки. К нам подходят два маленьких мальчика, и с восхищением рассматривают димин фотоаппарат.

Оленье стадо на склоне

День 29-й, 25 июля, воскресенье Заброшенный поселок геологов

Утром по вездеходной дороге идем на озеро Колокольня. Дорога карабкается в гору: пока лезем вверх по крутому склону, купаемся в собственном поту, стоит остановиться отдохнуть – ледяной ветер тут же вымораживает душу. Оборачиваясь, видим темно-зеленую долину реки Мокрая Сыня, высоко над которой ветер несет крупные клочья тумана. Зрелище фантастическое.

Я, пыхтя, лезу в гору уже фактически на карачках – уклон больше 45 градусов. Непонятно, как вездеход – тяжело груженная машина – взбирается сюда. И вдруг, на спуске несколько темных балков с печными трубами, два бульдозера, цистерны. Кажется, вот-вот, и появятся люди – но, увы, люди покинули это место лет десять назад. Здесь заброшенный лагерь геологов.

Техника еще хорошо сохранилась. У бульдозера цела даже приборная панель. В цистернах плещется солярка. В большом балке находим дизельный генератор. Завести, правда, уже не получится. На платформе рядом стоит новенький дизельный двигатель, укрытый брезентом.

Страсть, сколько денег угроблено здесь. Наверное, сотни тысяч долларов. Видимо, сюда рассчитывали еще вернуться, но Советский Союз развалился раньше и все пришло в упадок.

Брошенный генератор

Находим баню. Пытаемся топить. Печка топится плохо – труба совершенно забита, весь дым исходит через дверь. Пар сделать не удастся, погрели воду в большом ржавом баке, помылись с мылом – и на том спасибо. Какие-то ведра, тазики, плоски для воды находим рядом на помойке. Бомжизм, как он есть!

Баня, вернее, то, что от нее осталось

Ночуем в более или менее сохранившемся балке под трубное гудение буржуйки. У каждой буржуйки свой звук, свой собственный тон. Как-нибудь бы приехать сюда с магнитофоном и отсэмплировать их все, а потом сделать угарный эмбиент. Дима, по приезду, даже изготовил действующую модель буржуйки и иногда жжет ее у себя на кухне.

Темно, жуткая грязь – но зато тепло, и лежим на кроватях. Кровать металлическая, с пружинной сеткой – точно такая, как, когда-то, была у моей бабушки.

Погода на улице отвратительная – завывает холодный ветер, хлещет дождь. Хорошо, что мы остановились здесь.

День 30-й, 26 июля, понедельник

Покинули лагерь геологов и направились на озеро Колокольня. На реке Колокольня Арбузов выловил четырех маленьких хариусов. Варим сытную уху. Только немного переперчили. Едим под дождем, кутаясь в тент от палатки.

По пути опять встретили одинокий останец, напоминающий большой столб (или колокольню?) Следуя местному обычаю, оставили там кусочек оргстекла.

Оргстекло в походе – большая ценность. Оно горит, выделяя много тепла и плавясь. Лучше нет вещи, для разведения костра в сырую погоду.

Стоило поесть, собраться и выйти – как снова припускает сильный дождь.

– Блин, ну только пошли! – ругается Дима.

В спешке опять достаю тент. Лезем под него с рюкзаками. Дождь хлещет, как из ведра. Сидим скрючившись. Холодно. Вода просачивается сквозь тент, стекает мне на волосы, капает с носа. Из рта валит пар. Так мы проводим минут сорок, пока дождь не кончается.

Встречаются останцы в виде высоких столбов, чаш, и странных изваяний

День 31-й, 27 июля, вторник

Вчера остановились только в 2 часа ночи, когда добрались до зарослей кустарника. Полярный день уже подходит к концу – в 12 часов вечера становится довольно темно. Соответственно, часть пути идем уже по темноте. С трудом выбираем место для стоянки. На следующий день встали в 12 часов дня. Пройдя 3,5 километра обнаружили бывшую стоянку оленеводов с большим количеством запасенных дров. Небо обложено тучами, капывает мелкий дождь. Очень холодно. Принимаем решение остановиться здесь: во первых, попытаться переждать непогоду, во-вторых, до следующих дров 20 километров и мы не успеем пройти это расстояние за световой день. Лезть по камням в сумерках слишком

опасно, останавливаться в горах – нет дров. Решаем завтра встать пораньше и сделать эти 20 километров.

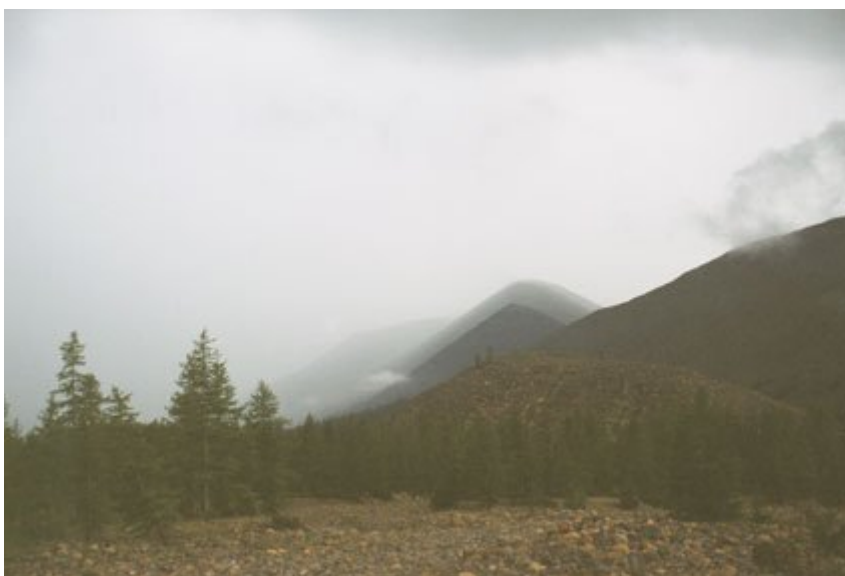
Потягивая остатки спирта в палатке, сочиняем с Димой сказку про Ивана, который поперся на Урал искать Жар-Птицу. Братья его отговаривают, а он, дурак, все равно стоит на своем:

Да какая там Жар-Птица!
Что тебе еще приснится!
Замонал уже! Лежи!
А Иван им:
«Нет!!! Кожим!»

Еще у Германа мы получили кусок сушеной оленины – мяса молодого олененка. Его ханты развешивают и сушат над очагами в своих чумах. Сушеное мясо очень тугое – пережевывать его надо несколько минут, как жвачку. Но вкусно до умопомрачения. Мы уже почти доели его.

Здесь растет много радиолы розовой – растения с толстым желтым корнем, имеющим удивительно приятный запах, похожий на запах розы. Обязательно возьму несколько корешков – делать спиртовую настойку.

У меня всегда побаливает шея, поэтому брал с собой надувную резиновую подушку. Умудрился потерять от нее затычку. Очень разозлился. Несколько дней подкладывал под голову пакет с вещами, – но неудобно, проминается. Потом нашел в балке какой-то болт и стал затыкать подушку им. В конце концов обнаружил, что она удобно затыкается моей авторучкой. Дисциплинирует. Пописал дневник, заткнул ручкой подушку, улегся спать.

В туман. Переваливающее через вершину облако создает эффект странного ореола вокруг горы.

День 32-й, 28 июля, среда
У коми

Выдвинулись с покинутой стоянки оленеводов. На склоне горы замечаем водопад, который снизу кажется довольно маленьким. Но все равно лезем смотреть. Влезаем на склон – потрясающе! Не такой уж он и маленький: 6–7 метров в высоту и довольно широкий.

**В верхней части водопада я
смотрю на низвергающуюся вниз
воду**

Вид снизу

Карабкаемся по перевалам. Холодный ветер и морозящий дождь. Я чувствую себя, словно банная печка, которая изнутри раскаляется докрасна, а снаружи на нее из ковша плещут ледяной водой. На мне надета куртка-серебрянка. Это довольно полезная в походе вещь. Водонепроницаемая, она сделана из тонкой синтетической ткани, поэтому на солнце мгновенно сохнет. Изнутри она покрыта серебристым слоем, чтобы как-то сохранять тепло, отсюда и название. На спине у нее карман для вентиляции.

Попадающиеся на пути снежники иногда окрашены красными, как кровь, пятнами, или целыми красными полосами. Это особые живые организмы, живущие на снегу – раньше я полагал, что это какая-то разновидность плесени, но недавно мне сказали, что это бактерия.

Мы доходим до одного из притоков Грубею. Дима начинает чертыхаться. Далеко на склоне виден чум. Мы прошли мимо оленеводов по другой дороге, и теперь, чтобы попасть к ним, нужно возвращаться полтора километра. Однако, зная, как хорошо пить чай у оленеводов, мы бросаем рюкзаки и идем.

Единственный чум стоит высоко на сопке. Дима уже предполагает, что это Саран-Паульская бригада оленеводов; то есть, это не ханты, а коми. На склоне с удивлением замечаем баню.

Поднимаемся, здороваемся. Нас встречает мужчина лет сорока, с совершенно русской внешностью – соломенные волосы, рыжие брови. Представляется Степаном. Оленевод. Живет здесь большую часть жизни. Говорит по-русски без акцента.

Разговариваем об оленях, о вертолетах. Баню, как выяснилось, закинули сюда на вертолете еще в коммунистические времена, о которых Степан вспоминает с теплотой. Тогда об оленеводах заботились – сейчас нет. Зовут в чум пить чай.

У коми

Коми живут несколько по-другому, чем ханты. С одной стороны, саран-паульские оленеводы побогаче – но с другой есть и недостатки. Например, в чуме у хантов потеплей – он целиком крыт оленьими шкурами; а бригада Степана использует брезент. Коми пользуются вместо очага посередине жилища огромной печкой-буржуйкой – несомненно, это цивилизнее, но оленину, так, как это делают ханты, уже не посушишь, и дым не выгоняет из чума комаров. В общем, новшества цивилизации не всегда на пользу. Зато у саран-паульских есть рация – они выходят на связь дважды в сутки. Аккумуляторов нет – рация работает от ручной динамо-машинки. Естественно, есть и радио. Жена Степана в юности бывала в Москве. Обсуждаем, что изменилось с тех пор. Как всегда, «попить чай» у оленеводов – это еще и поесть, и попить водки. Мужчины, разделывавшие сегодня оленей, еще не вернулись, поэтому едим пока тушенку. Предвкушаем возможность поесть еще и оленины. Давим бутылку водки. Здесь каждому дают по рюмке (вернее, по чашке, но это неважно). Из разговоров со Степаном выясняем, что коми тоже едят сырое оленьё мясо. Правда, по словам Степана, они опасаются делать это до 2-го августа, остерегаясь сибирской язвы.

Дети Степана приносят морошки. Нам подают ее со сгущенным молоком.

– А мы пока еще спелой не находили... – говорим.

– На таком-то склоне уже поспела! – отвечают нам.

Морошка – удивительно вкусная ягода. Не приторно сладкая, она имеет исключительно приятную кислинку и на вкус чем-то напоминает кисель. Ей можно объесться. Морошка растет на земле кустиками, как клубника, но на вид напоминает крупную малину. Пока ягода незрелая – она красная, когда поспеет – становится желтой. Морошка привередлива: растет далеко не везде, предпочитая мшистые, но хорошо освещенные солнцем поляны. Мох должен быть неглубоким. Бывает, можно пройти целый день не встретив ни одной ягоды – а потом найдешь целое морошковое поле.

Стадо оленей у бригады Степана просто огромное – 3000 голов. Коми пользуются, для того, чтобы перемещаться по горам, небольшими лошаденками – их пригоняют на лето из Саран-Пауля. Узнав о том, что у нас кончаются некоторые продукты, например сухари, нам тут же выдают огромный пакет сухарей. С трудом отказываемся от второй пачки чая. В этот момент возвращаются мужчины-коми на лошадях. И – о чудо! На выходе нам вручают пакет с примерно четырьмя килограммами свежайшей (туша разделана два часа назад) оленины и оленьей печенки. Рассыпаемся в благодарностях. Вот ведь радушные люди!

Маленькие лошадки коми

Разговаривая с оленеводами, узнаем много интересных деталей. Чум, по словам Степана, ставится полчаса. Вначале посередине ставится тренога из трех связанных жердей. На нее накидываются остальные жерди, натягивается брезент, и это практически все. Степан говорит, что пытались они ставить и юрты, но их гораздо труднее собирать.

В чуме тоже живет несколько семей. В углу застенчивая молодая девушка, сильно смахивающая на Бьорк, нянчит маленькую девочку. «Иди сюда, ко мне!» – зовет Дима ребенка. Девочка тянется к нам, но, вдруг, останавливается. Присмотревшись, замечаем, что ребенок привязан за пояс к жерди толстой веревкой.

- Ой, ты привязана... – удивляется Дима. – Чтой-то вы ее привязали?
- Да это чтоб об печку не обожглась, – отвечают нам.

При ходьбе по горам олени часто повреждают ноги, и тогда им колят пенициллин, чтобы воспаление не распространилось.

Жара вредна для оленей – из-за гнуса. Но если в жаркий день загнать их на снежник – могут получить воспаление легких. Билет для ребенка, летающего на вертолете в школу стоит 4000 рублей. Зарплата оленевода – 6000. Лекарства для оленей приходится покупать на свои деньги.

– Но, в общем, жизнь ничего, – говорит Степан. – Когда вам все надоест в своем городе - приезжайте жить к нам! Ну, первые два года, конечно, порубите дрова, но потом научитесь пасти оленей.

За год оленеводы меняют несколько мест стоянок. Для зимнего времени у них есть специальный теплый домик.

***

Как мы и боялись, самую трудную часть пути приходится проходить в сумерках. С трудом спускаемся по склону. Не видно ни черта. Дима, матерясь, проваливается во все ямы и ручьи. Я отчаянно прощупываю дорогу перед собой палкой.

– Все, встаем! – кричит Арбузов. – Опасно в темноте по такой дороге!

Я, в общем-то, не возражаю. Готовим картофельное пюре, жарим оленину. Это божественно. Мне кажется, я никогда не ел такого вкусного мяса. Олень был молоденький, мясо тает во рту.

До вождя Кожима остался один день пути. На радостях от этого допиваем оставшийся спирт. Теперь, благодаря Степану, у нас есть и чай. Пьем с сахаром. Хорошо.

День 33-й, 29 июля, четверг

С утра жарили оленину на палочке. Хорошо. Ели сочный суп из печени.

Оленина здорово укрепляет наш рацион. Потому что, честно говоря, у нас кончаются продукты. Еще во вторник за один день у нас кончились конфеты, чай, топленое масло и гречка. Остального тоже осталось негусто.

Черный лес

Прыгая по курумам и продираясь через кусты достигаем реки Грубею. Здесь начинается лес, который местные называют Черным. Это большой лес, почти нетронутый человеком, горная тайга. Растительность разнообразна. Есть лиственница, береза, ель. Попадаются кедры. Растет папоротник. Дороги нет. На выбор предоставляется только несколько лосиных троп. Временами встречаем лежки – места с примятой травой, где лось ложился отдыхать. По форме примятости даже можно различить, где у зверя покоилось туловище, а где голова. Пробираемся по руслу высохшего ручейка. Воздух наполнен тончайшим ароматом цветов. Грубею – довольно глубокая река. Преодолев ее, снова углубляемся в чащу. Упавшие деревья, кочки, русла ручейков.

Арбузов находит неизвестные грибы белого цвета, но утверждает, что они съедобны. Он говорит, что всегда может отличить съедобные грибы от несъедобных. Вечером мы жарим их и съедаем. Грибы имеют странный травянистый привкус. Но прокатило. Продолжаем отъедаться жареной олениной. Вкусно. Я забрался на кедр набрать шишек. Они еще не созрели, но ядра в семечках уже есть. Суем шишки в костер, чтобы выгорела смола. С трудом найдя свободное от кочек место, ставим палатку.

Почему-то больше всего запомнились в горной тайге ночевки на берегах таких вот кристально-прозрачных таежных речушек, где стволы лиственниц вплотную подступают к руслу, зачерпывать воду в котелок приходится, свисая с упавшего в воду дерева, а в прибрежных зарослях жимолости едва можно найти место, чтобы поставить палатку. Хотя сама по себе ходьба по тайге – нелегкое занятие, на берегах этих рек я чувствовал удивительный покой.

День 34-й, 30 июля, пятница

С утра купался в Грубею. К вечеру предстоит выйти к Тыктолове. Лес все так же густ и дремуч. Все время попадаются кусты жимолости, дикой красной смородины. Ягоды уже поспели. У меня такое растет на участке. Никогда не думал, что это может произрастать прямо в диком виде, в густом лесу.

В тайге

К полудню набредаем на «воргу» – санную дорогу коми. Однако, здесь следует отметить, что коми используют эту дорогу осенью, когда тайгу уже хорошенько присыпает снежком. Сейчас, летом, толку от нее совсем мало. Буквально каждые сто метров она теряется в зарослях, и мы снова, в отчаянных попытках ее найти, вламываем по глубокому мху и бурелому. Единственная польза – ворга хоть как-то указывает направление.

Дима снова находит грибов – на этот раз, древесных. Утверждает, что такие он уже ел. Варим. Грибы жестковаты, у них странный пряный вкус, словно они приправлены корицей. Но есть-то хочется, а продукты мы уже экономим.

Среди тайги, попадаются живописнейшие места, с грудями камней, сплошь обросших ягелем; если взобраться на них, видно склоны соседних лесистых гор.

К вечеру выматываемся ужасно. Я саркастически замечая, что «день» пути до Кожима у нас что-то слишком растягивается. Неудивительно: ведь засветло мы успеваем пройти не более 8-ми километров: больше просто не хватает сил. С трудом находим место для стоянки. Тыктолова – тоже глубокая река. Утешает нас лишь плотнейший ужин из супа из оленьих потрохов, картофельного пюре с оленьей печенкой и десерта из двух котелков спелой морошки, перемешанной с сахаром и сухим молоком.

День 36-й, 1 августа, воскресенье

Наконец, после трех с лишним дней блуждания без дорог, мы покинули тайгу. Чувство ликования. Тут же видим вездеходную дорогу на Сэлэмью. Хочется просто упасть и расцеловать ее.

Какой кайф! Как классно идти по дороге! Проходим 12 километров до балка геологов – однако, сам балок в ужасном состоянии и, в результате, мы останавливаемся на улице, в палатке. Ищем в балке бычки и выковыриваем из них табак. Отсюда уже действительно недалеко до Кожима. Пройдя сюда от самой станции Полярный Урал, мы, наконец, попали в места, где Арбузов уже бывал, во времена своих прошлых путешествий. Тогда он застал в этом месте геологов – теперь никого нет. Продукты, привезенные из Москвы, уже заканчиваются. Сегодня кончилась китайская лапша. Ложась спать, едим картофельное пюре с соевым мясом.

День 37-й, 2 августа, понедельник «Гостиница Олень»

С утра пораньше выходим, и начинаем лазить по камням. Вскоре выясняется, что Дима сбился с дороги. Ужасно расстроился. Кричал:

– Блин! Это же надо! Пройти такой маршрут и заблудиться в местах, где дважды уже бывал!

На морошковом поле

В результате, вместо одного перевала преодолеваем два. В качестве компенсации нам только морошковое поле, где мы набираем целый пакет морошки. Правда, она уже практически не лезет. Не думал, что морошкой можно обожраться. Кроме того, на перевале, на дороге мы нашли оброненные кем-то с вездехода две сигареты «Балканская звезда»¹¹. С наслаждением выкуриваем их, на верхней точке перевала, ежась на пронизывающем ветру. При этом вспоминаем истории про йогов, которые сушат своими телами простыни в условиях тибетского высокогорья. Наконец, внизу – дорога! Дорога на Кожим¹². Еще три года назад, по словам Димы, ее не было, и идти было гораздо трудней. Проходим километров десять – и - это она! Легендарная «Гостиница олень».

Это совершенно раздолбанный балок, без печки, без двери, с дырой в стене и крыше, но он примечателен тем, что на доске над дверью кто-то не поленился ножом каллиграфически вырезать:

**Гостиница Олень.
Не курить! Не сорить!**

Над входом прибита подкова. Внутри страшный дестрой. Постояльцы «гостиницы Олень» ничтоже сумняшеся жгут костер прямо в балке, на куче наваленных на земляном полу камней. Мы находим полиэтиленовый мешочек с небольшим количеством сахарного песка. Как утверждает Дима, мешок лежал

¹¹ «Беломор» и «Балканская звезда» – почему-то две единственные марки сигарет, которые здесь в ходу. Больше тут ничего не курят, не считая махорки. Табак, привезенный нами из Москвы, естественно, давно кончился.

¹² Я, честно говоря, так и не понял, как правильно ставить в этом слове ударение. Насколько я помню (хотя, тут я могу ошибаться), коми говорят КожИм; геологи – КОжим.

здесь еще во время их предыдущего визита с Ромой Рябухиным и Лешей Сахниным три года назад, только сахара тогда было значительно больше. Во втором мешочке содержатся какие-то темные опилки без запаха, которые Дима идентифицирует как махорку. Я присматриваюсь к этой субстанции повнимательней и выражаю свои сомнения. В этот момент как раз вскипает котелок. Я кидаю щепотку в горячую воду. Чай. Дима удивленно смотрит на меня и говорит:

– Надо же! А мы в прошлый раз с Сахниным пытались это курить.

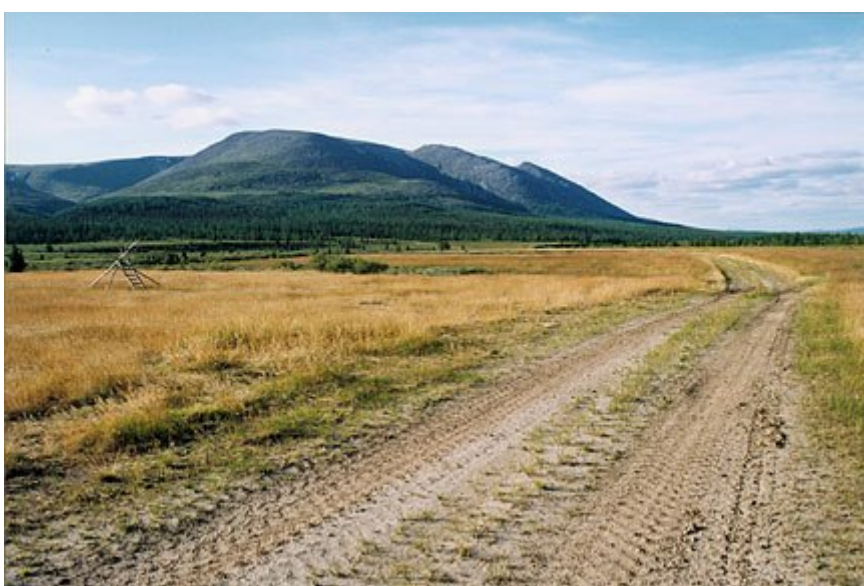

«Гостиница Олень»

Чай, кстати, оказался совсем недурственным, и был конфискован в пользу путешественников. Снова в дорогу. Вездеходка сворачивает в сторону. Мы продираемся по кустам. На Кожим мы приходим уже в полной темноте. Дошли наконец! Месяц мы шли сюда пешком. Целый чертов месяц! Кожим – достаточно широкая и глубокая река. Останавливаемся на берегу, сполоснув пакет из-под сахара водой, варим компот из морошки.

На нас нисходит благодать. Цель достигнута, мы в обитаемых местах. Больше нам ничего не угрожает. Ночью спим спокойно, я вижу приятные сны.

Часть вторая. Тени прошлого

День 38-й, 3 августа, вторник

С утра просыпаемся от шума вездехода, который едет вдалеке, судя по всему, по дороге в Инту. Сонно вылезаем из палатки, варим кашу, и тут с удивлением наблюдаем целую кавалькаду грузовиков (не вездеходов!), едущих по противоположному берегу реки. Какая жалость, что мы не встали там – они бы нас подвезли.

У нас стремительно кончаются продукты. Рассчитываем встретить оленеводов и взять у них что-нибудь. Но дойдя до места, где оленеводы стояли в прошлый раз, обнаруживаем только пустые сарайчики. Видимо, поднялись выше в горы. По пути встречаем потрясающее по красоте место на Кожиме. Скала с нависающими камнями, под ней омут, глубиной метров пять, но зеленоватая вода прозрачна настолько, что видно все камни на дне. Вокруг горная долина. Сама стоянка оленеводов тоже в красивом месте. Здесь поле с высокой пожелтевшей травой – такого на нашем пути мы еще не встречали. Вокруг лиственный лес. Одинокий загончик для скота. Я нахожу неизвестно как попавшую сюда табуретку и сижу, любясь на все это.

Пересекая Кожим, мы со смехом поливаем друг друга из котелка речной водой. Дошли все-таки! Это был неслабый путь. В этой точке мы, теоретически, могли бы прервать маршрут, и на вездеходе, либо грузовиках эвакуироваться в Инту. Первая часть путешествия закончилась. Однако, мы хотим проделать путь еще и по Приполярному Уралу – и теперь наша конечная цель – поселок геологов Неройка.

Вот, только, раздобыть бы еды.

Переступив реку, мы оказываемся на территории национального парка Югыдва. Охранников парка здесь прозвали «нацистами». Могут обыскать (хоть это и запрещено), отбирают деньги, вещи. Дима может порассказать кучу историй, как он имел с ними дело во время своих прошлых пребываний на Урале. Днем, услышав звук летящего вертолета, торопливо прячемся от него в оленеводческой балке.

***

Пребываем в удобной балке, неподалеку от бывшей стоянки оленеводов. Здесь есть печка-буржуйка, две железных кровати с сеткой, стол, и даже стул – в общем, все очень цивилизовано. Судя по надписям на стенах, типа «До дембеля 40 дней», в

балке когда-то жили солдаты. Единственное, что беспокоит – продукты почти кончились. Мелочь, а все настроение портит. С утра Дима отправляется искать оленеводов. Он предполагает, что спасаясь от жары и гнуса они поднялись выше в горы по берегу впадающего неподалеку в Кожим ручья. Приходит под вечер, уставший и голодный. Не нашел. Дорога наверх оказалась очень трудной. По пути упал в реку. Приносит две рыбины, выловленные в Кожиме. Одну из них мы сразу зажариваем и съедаем. Другую приберегаем на завтра. Нужно как можно скорее найти людей.

День 39-й, 4 августа, среда

Балок находится непосредственно рядом с хорошо ездимой дорогой, и мы все ожидаем, что кто-то появится. Увы, ожидание оказывается напрасным. Мы уже серьезно досадуем, что упустили те грузовики.

Продукты кончаются окончательно и бесповоротно. Все, что у нас остается – полпакетика картофельного пюре и немножечко муки. Доедаем последние два кусочка сахара. Я иду поискать дикого лука – но он уже сходит, и все, что я нахожу – несколько полусохших, пожелтевших стеблей.

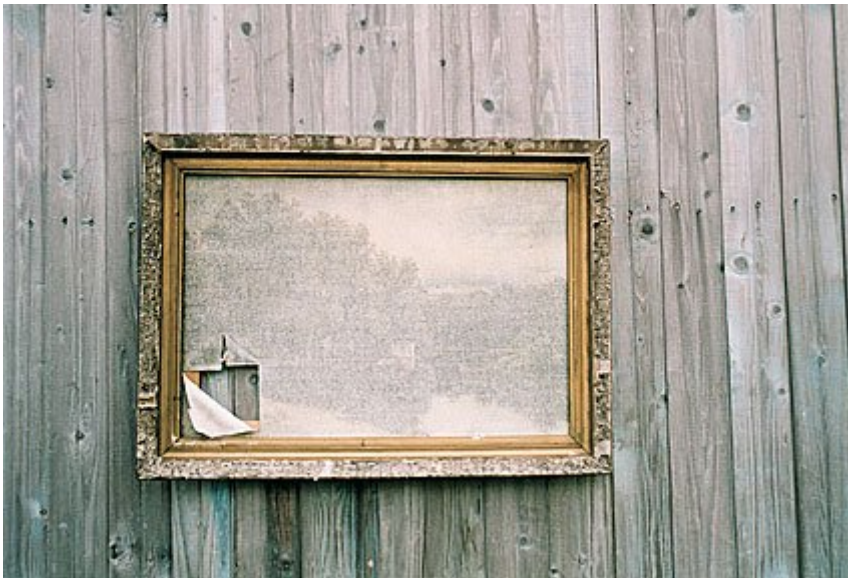
Утром Арбузов уходит на базу золотоискателей у реки Большая Каталамбию. Вдвоем ходить за продуктами особого смысла не имеет, а скорость передвижения Димы по горам, как я уже говорил, невероятна. Поэтому он снова решает идти один.

Ожидая Диму, сидя в балке за столом, пишу письмо домой, рассчитывая передать его с водителями, если еще встретим грузовики. В письме я пишу о том, как мы отлично дошли, совершенно умалчивая только о закончившихся продуктах. Я голоден. Настоящего голода я, конечно, еще не испытываю, но чувствую, что в животе у меня довольно пусто.

Мое письмо, позже, дошло и стало первой весточкой от меня дома за полтора месяца. Написанное Димой письмо потерялось.

В Каталамбию Арбузов находит лишь пустые дома. Огромная база – 20 балков! – полностью заброшена, люди ушли. Для нас это большая и неприятная неожиданность. Еще несколько лет назад база функционировала. Куча брошенной техники. Кто бы мог подумать, что отсюда свалят абсолютно все! Количество угробленных тут денег поражает. Дима фотографирует экскаватор, стоящий прямо в реке. И никакой еды – все, что удастся найти – несколько пакетиков приправы для вермишели быстрого приготовления и бутылка уксусной эссенции.

На брошенной базе золотоискателей. Река Каталамбию.

Укус вечером мы добавляем в супчик из борщевика, крапивы и листьев одуванчика. Получается кисленький, как борщ. Вкусно, но на душе как-то беспокойно. Где взять жвачки? Куда подевались все люди?! Как призраки проскочили с утра, покружили на вертолете и исчезли.

Поедая свой борщик, мы фантазируем о том, как было бы неплохо переоборудовать заброшенную базу золотоискателей в киностудию, и назвать ее «Каталамбия Пикчерз».

Вечером я сижу на улице на стуле, и гляжу на дорогу.

День 40-й, 5 августа, четверг

Утром Арбузов, сняв майку, загорает на солнышке. Еще месяц назад невозможно было поверить, что тут такое возможно. Как только по ночам устанавливаются устойчивые заморозки, комары начинают подмерзать, пока не исчезают совсем. Неудивительно, что поэтому люди, которые приезжают на Приполярный Урал отдохнуть и порыбачить, делают это, в основном, в августе.

Дальше сидеть на месте неразумно. Мы завтракаем, чем бог послал, собираемся и идем искать людей.

По обочинам дорог нам иногда попадается ягода куманика (княженика). Она напоминает на вид мелкую темную малину, но несравненно вкусней – очень ароматная. Жаль, что встречается она только в небольших количествах.

Из других ягод, поспела черника и голубика. Но в этом году мало. Черника вообще год на год не приходится. Бывают черничные годы, когда ее просто объесться. А в этом году, считай, почти и нет. Много водяники – черной, практически безвкусной водянистой ягоды.

Мы находим сидящую в колее большую лягушку. Это первая лягушка, которая встретила за все время. Дима говорит, что лягушек можно есть. Обсуждаем, не съесть ли нам эту. В конце концов решаем, что мяса в ней немного. Жаба все это время сидит и смотрит на нас выпученными глазенками. Дима слегка тычет лягушку палкой и она, в ответ на это действие, медленно и очень смешно прикрывает голову передними лапками.

Вдоль дороги стоят столбы с табличками «Геодезический пункт. Охраняется государством».

Не успеваем мы пройти и 10 км, как навстречу нам выходят два бородатых туриста. «О, люди!» – орем мы, и бежим к ним.

Первый путешественник – рыжебородый здоровый мужик лет пятидесяти. Второй примерно того же возраста. Болтаем, смеемся. Крепкий мужской матерок разносится над лиственничной рощей. Оказывается, эти тоже из Москвы. Периодически ездят на Урал с 76-го (!) года. Идут на Мокрую Сыню, откуда намерены сплавиться на катамаране, который несут с собой. Как выйти на Сыню они не вполне себе представляют, – мы беремся объяснить и даже отдаем наши старые, не нужные уже карты¹³. Снабжают нас информацией о стоящем неподалеку

¹³ У нас добытые из интернета генштабовские карты, распечатанные из файлов на цветном принтере.

брошенном грузовике, в кузове которого, тем не менее, есть груз – по всей видимости, его еще приедут вызволять. Говорят о стоянке оленеводов, где есть почти полная пачка чая и (возможно) даже какие-то продукты. Дима загорается идеей дойти до стоянки, поискать продуктов, после чего вернуться на Кожим.

– А Кожим-то скоро? – спрашивают нас.

– Как? Да вон он. Кожим! – указывает Дима.

– Нет! Это Кузьюаю!

– Как! Не может быть! Опять ошибся! Опять пошли не туда! – сокрушается Дима.

– Встречал я таких, без еды, еще в 76-м, – добродушно делится со мной воспоминаниями второй турист. – Группа шла, 4 человека. Разругались. Двое ушли с едой, а двое – без. Намаялись. А они еще по старинке путешествовали, с контрольным сроком. Последний день контрольного срока у них выходил. Я им говорю: «Вот вам тушенки, а вон там, в четырех километрах, геологи. Идите к ним, у них рация есть, они хоть сообщат, что вы живы. Чтобы вас не искали».

Нам отвешивают четыре пакетика супа, сухарей и чесноку. Расстаемся.

Пройдя несколько километров, обнаруживаем грузовик, как и обещали туристы. Тут же обследуем его на предмет жратвы. Внутри кузова какие-то сварочные аппараты, электроды. Ничего съедобного. Неожиданно мы слышим шум двигателей.

Выбежав к реке, видим едущие вдалеке грузовики с цистернами. Дима берется догнать и убегает. Я почти уверен, что не догонит – слишком далеко. Машу руками и кричу, в надежде, что меня заметят и остановятся. Но грузовики скрываются из виду. Однако вскоре появляется две машины и за ними с довольным видом шествует Дима. Оказывается, эти приехали вызволять сломавшийся грузовик. Тут же узнаем, что мы, все-таки, на Кожиме. Это те двое ошиблись, а не мы. Цистерны те самые, что мы видели 3-го августа, возвращаются назад, в Инту. Передаем с ними письма домой. Третий грузовик, как починится, направляется в Хальмер-Ю. Водители разводят костерок, кипятят чай, открывают консервы. Угощают нас свежим хлебом, сайрой, тушенкой и даже сгущенкой!¹⁴ Едим, не веря своему счастью. Интересуются, какого черта нас занесло в такую даль. В конце концов нам отваливают кучу консервов и напутствуют в добрый путь. Решаем подъехать с грузовиком, едущим Хальмер-Ю, но его пока чинят. Помогаем снять со второго грузовика запасную деталь, кажется, редуктор. Ужас, она весит килограмм двести. Вчетвером, мы еле спускаем ее на землю.

Водители снабжают нас обескураживающей информацией. Они утверждают, что база В Неройке покинута, и, в лучшем случае, мы найдем там пару сторожей. Если так, наш маршрут рискует увеличиться на неделю, так как от Неройки мы не сможем добраться транспортом.

Пока грузовик стоит, идем обследовать стоянку оленеводов на предмет еды. Дойдя, почти ничего не находим. Правда, запаслись подсолнечным маслом, двумя пакетиками вермишели быстрого приготовления и обещанной пачкой чая.

¹⁴ Сгущенка, как позже выяснилось, тут не такая уж частая вещь. Во всяком случае, в Хальмерью Дима купить ее не смог. Она входит в водительский паек.

На стоянке находим потрясающую игрушку, сделанную оленеводами. Вырезанный из дерева вездеход, с кабиной и с кузовом. В кузове наложены олени косточки, видимо, изображающие людей и тряпичная кукла.

Вездеход – игрушка детей оленеводов

Водители рассказали нам веселенькую историю про некоего москвича, который ехал с друзьями на вездеходе в начале июня этого года и умудрился потеряться. Как ему это удалось, он сам не знает, но они все время страшно бухали, и он, возможно, просто словил белую горячку, и, охваченный приступом, ушел куда глаза глядят. Пять дней бродил без еды, без вещей. В начале июня еще довольно холодно, особенно по ночам. В конце концов, выбрался на дорогу. Оставлял записки, начертанные кровью. Выложил камнями на дороге надпись SOS (да, хлебнул мужик экстрима! Это, наверное, смешно только рассказывать.) Наконец, дошел до домиков оленеводов, где пил из бутылки подсолнечное масло. Здесь-то его и обнаружили водители.

Один в горах

Чем определенно хороша поездка на Урал, целых два месяца не слышишь ПОПСЫ!

К вечеру автомобиль, все-таки, чинится и выезжает. Мы с Димой обдумываем, как быть дальше. В конце концов Дима решает сейчас же ехать в Хальмер-Ю (это нам не по пути), доставать продукты, а возвращаться как придется. Обещает вернуться не позднее, чем через двое суток.

На горизонте появляются сверкающие в темноте фары автомобиля. Дима хватает пятисотрублевую купюру, какой-то найденный в домике рюкзачок, с веревками, вместо лямок, прыгает в кабину и уезжает. Я остаюсь один.

Несколько слов о домике оленеводов. Он представляет собой маленький сарайчик, в котором я не могу стоять в полный рост. Печка-буржуйка. Две лежанки с оленьими шкурами. Столик с керосиновой лампой. На стене полка с древним, изъеденным коррозией зеркалом и наклеенным рядом календарем за 2003-й год с надписью «Пресвятая Богородица, спаси нас».

В домике оленеводов

Естественно, я предполагаю, что на два дня уподоблюсь керуаковскому персонажу, а полном одиночестве проводящему время в маленькой избушке, посреди гор. Не тут-то было. Утром меня будит шум двигателя. Выбегая на улицу, с изумлением созерцаю автобус. Пустой. В кабине водитель, и один человек, едущий в Халомерью. Клянчу еду. Люди сокрушаются, что у них почти ничего нет, но дают полбуханки хлеба, помидор, два огурчика и бутерброд с сыром. Я горячо благодарю. Уезжают.

Светаёт. Я завариваю быстросуп, щедро подаренный вчера водителем, с которым уехал Дима, и съедаю его с половиной банки тушенки. Снова шум двигателей. Вот так трафик здесь! Почти как на Дмитровском шоссе.

На этот раз вездеход. С целой кучей туристов, которых я из-за какого-то нереально нарядного для здешних мест вида (они в еще чистых, ярких спасжилетах), сначала принимаю за иностранцев.

Однако, они оказываются ребятами из Питера, едущих сплавиться на Народу. Наняли вездеход в Инте. Пока они разжигают костер и готовятся варить обед, разговариваю с водителем. Тот делится со мной подробностями своей нелегкой водительской жизни. Мол, не хотел ехать. Уговорили. Гусеница ни к черту. Слетает уже во второй раз. Один раз пришлось натягивать посреди реки, по пояс в холодной воде. В результате, ехать приходится очень медленно. Все стонут: «Когда ж мы доедем?!» Гусеница стоит 70 тысяч. Да, всё на свои. И вездеход сам купил. А вот поставить бы гусеницы новой модели: резиново-металлические! Можно было бы ездить куда быстрее.

Туристы зовут обедать. Угощают супчиком из оленины. Тоже дали олениводы. Не обходится без спирта. Я делюсь подробностями своего путешествия.

– В болотниках-то, небось, тяжело ходить?

– Да это мне ханты дали. Мои-то сапоги развалились.

– Леш, не обижайся, – строго говорит мне их руководитель, – но вот таких ботаников, как ты, потом и находят по весне.

Я объясняю, что я, может, и ботаник, но к походу мы готовились обстоятельно, с сапогами промашка вышла по чистой случайности, а еды все равно не возьмешь с собой бесконечное количество.

Выпиваем еще. Мне отваливают 2 кг риса, растворимого кофе, чаю, сухого молока, сушеного мяса, сахара и даже пол-литра спирта! В этих краях ценность великая. Я просто не верю своим глазам. Питерцы уезжают. Вечером мучаюсь с головной болью. Что-то я начинаю отвыкать от спиртного.

День 42-й, 7 августа, суббота

Те, кто считает, что одному мне, наверное, было скучно, ошибается. Я прекрасно проводил время. Можно поспать. Можно приготовить поесть, можно выйти поискать ягод, можно потопить печку... Да тут развлечений больше, чем в Москве!

Возвращается Дима. Он прошел пешком 55 километров обратного пути и страшно вымотался. За плечами мешок с продуктами.

О базе Хальмер-Ю воспоминания не самые приятные. Завхоз – барыга. «Мы голодаем!» – «А мне какое дело?» Продал еду за 200 рублей. Золотоискатели зарабатывают неплохие деньги, но при этом живут в чудовищной грязи, как бомжи. Спят на рваных матрасах, прямо в одежде. Ноют, жалуются на жизнь. Единственный плюс – в столовой неплохо кормят.

Вообще, народ на базах специфический. Это отнюдь не только местные северяне, но и люди, съехавшиеся со всей страны, как раньше говаривали, «за длинным рублем». Отсюда и соответствующий психологический климат.

Я, естественно, предвкушаю, что сейчас огорошу Диму тем, что мне удалось раздобыть спирта. В этот момент тот вынимает из мешка полбутылки коктейля из виски с «Пепси-колой» и бутерброды с икрой! Я выпадаю в осадок. Где взял?!

Выясняется, что как раз во время визита Димы на базе проходила какая-то конференция. Понаехали журналисты. Прибыл даже министр на вертолете. Пилоты вертолета, увидев Диму, тут же зазвали его к себе:

– Путешественник?.. О! Мы таких любим!

Напоили виски. (Это в такой-то глуши! Неплохо!) Угощали едой с министерского стола. В результате, помимо круп, сахара, сухого молока и прочих радостей жизни, Дима притащил с собой в мешке, как Дед Мороз, еще и сыра, котлеток в алюминиевой фольге, шоколадок, и предложил мне. Я уелся так, что раздулся, как перекормленный ежик. Арбузов тут же заваливается спать, предварительно наказав мне истопить баньку.

Дима в министерском вертолете

Обратная дорога Димы пролегла по голым горам. У него не было с собой ни спальника, ни палатки. Он прятался от пронизывающего холодного ветра за останцами и жег костер из какого-то пластикового мусора.

Я отправляюсь выполнять последнюю волю засыпающего. Конечно, Дима свою миссию выполнил. Теперь едой мы обеспечены надолго. Но хит сезона – притащенный Димой сбитый машиной зайчик. Совсем свеженький, еще даже окоченеть не успел. Будем вечером есть суп из зайчатины.

**День 43-й, 8-е августа, воскресенье
Поселок Хасаварка**

Покидаем уже насиженную стоянку оленеводов. Убираемся. Сваливаем в коробку, чтобы сжечь в костре, следы нашей жировки – алюминиевые пакетики от министерских котлеток, консервные банки, пакеты из-под сухарей, пряников и кофе со сливками. Да, ничего не скажешь, поголодали! Даже спиртом и виски угостили! Это вообще какая-то невидаль.

Трогаемся в путь и через 10 километров добираемся до покинутой базы геологов на Хасаварке. Это был большой поселок: по всему склону разбросаны развалины домиков. Много леса вырублено. Гора вся ископана.

Месторождение Хасаварка

Когда-то в этих местах добывали аметист. Месторождение больше не действует. Тут нет ни одного человека.

В глубине ущелья единственный оставшийся пригодным для ночевки домик, который иногда используют проезжающие этим путем водители. Дима предается ностальгическим воспоминаниям. На стене балка оставленная им надпись: «Содержи приют в чистоте и порядке!» Не помогло. Все равно, страшная грязь. Мы подметаем пол, сорок минут чистим печку, совершенно забитую золой. Печка уже близка к тому, чтобы окончательно развалиться. Дверь в балок невозможно закрыть плотно. Удивительно! Люди ездят здесь зимой, в жуткий холод, инструменты у них с собой есть – нет бы отремонтировать! Ну, видимо, после того, как хлопнут как следует спирта, сквозняк из двери перестает беспокоить.

Домик в ущелье

Вот пачка от аспирина, которую Арбузов с Рябухиным и Сахниным оставили здесь три года назад. Площадка перед домиком так заросла высоким, в человеческий рост, иван-чаем, что мы долго не можем найти кострище.

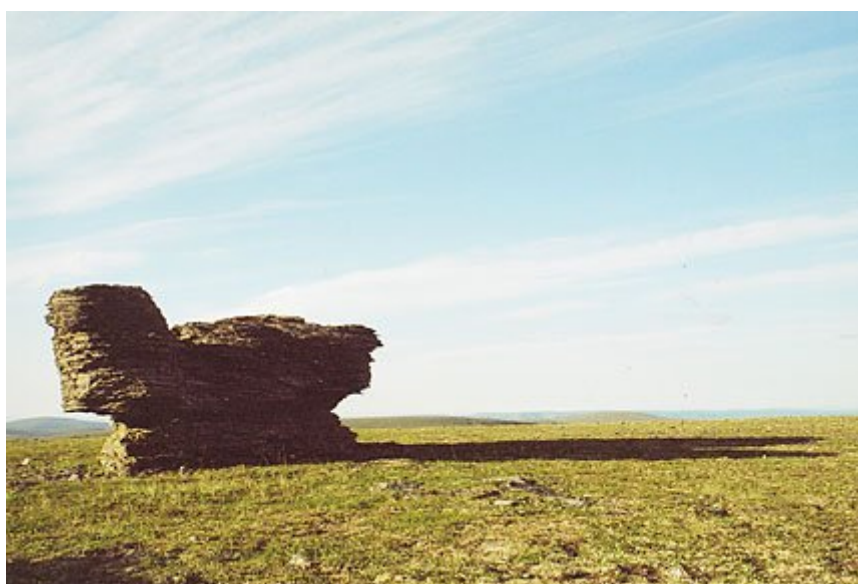
Мы задерживаемся в Хасаварке на один день. Вечером лезем в горы, но оказываемся застигнуты врасплох грозой. Гроза в горах – зрелище не для слабонервных. Сверкают огромные молнии, эхо грома, многократно помноженное скалами, накатывает на тебя со всех сторон. Мы прячемся в скале, в маленьких углублениях, где едва помещается один человек.

Небольшой грот, где я прячусь от грозы

Утром идем на гору смотреть располагающийся там целый город из останцев. В нашем ущелье дует только легкий ветерок – как раз, чтобы разгонять мошку. Но едва мы влезаем на гору, то тут же начинаем замерзать от пронзительного, свистящего в ушах ветра.

Условия жизни на Хасаварке были отвратительными. Горы здесь расположены таким образом, что тут всегда дует свирепый, почти непрекращающийся ветер. Неудивительно, что наш домик расположен как можно глубже в ущелье. А ведь были времена, когда люди жили тут даже зимой. Хасаварский аметист ценился.

Сфинкс? Харвестер?

Ой, грибочек!

Темный властелин пришел

Сверху раскидывается потрясающий вид на долину Кожима. Все горы видны, вплоть до Народы – высочайшей вершины Урала. Издали склон весь кажется покрытым шрамами – это траншеи, в которых добывали аметист. Есть здесь и заброшенная штольня. Ее темный, полузаваленный вход черной дырой темнеет в склоне горы. Повсюду искореженные остатки рельсов, валяются проржавевшие вагонетки.

Мы спускаемся глубоко под землю. Здешние горы внутри промерзшие насквозь. Чуть вниз – и уже вечная мерзлота. Холодно, как в морозильнике. Лед высокими сталагмитами поднимается с пола, причудливыми кристаллическими наростами свисает с потолка. Во все стороны лабиринтообразно расходятся коридоры; у нас слабенький фонарик, едва рассеивающий тьму вокруг. Я со страхом представляю, каково было бы заблудиться здесь, без теплой одежды, посреди темноты и ледящего холода. Свет фонарика мечется, отражаясь от покрытых снегом стен. В одном месте стена раздолблена, видны остатки сине-фиолетового камня. Иногда штольню посещают самодеятельные «минералоги».

Впрочем, как утверждает Дима, в прошлый раз они с Рябухиным и Сахниным прошли ее практически насквозь, до того места, где коридор затоплен водой. В этот раз мы на это не решаемся – слишком замерзли. Нужно было взять побольше теплой одежды. Выходим на свет божий окончательно окоченевшие, и тут на нас, словно разбойник из-за угла, накидывается ледяной ветер. Начинает бить крупная дрожь. На еле сгибающихся ногах мы бежим к развалинам стоящей рядом дизель-электростанции и там, на бетонном полу, жжем большой костер из досок. Как-то согревшись, спускаемся домой. Дима обирает куст дикой красной смородины. Варим компот, обильно запивая его спиртом.

Вечером Арбузов отправляется фотографировать располагающийся примерно в 5 километрах каплевидный останец, наверно, десятиметровой высоты. Возвращается совершенно задубевший и долго отогревается, чуть ли не забравшись в печку. Говорит, в тех местах ветер вдвое сильнее.

День 45-й, 10 августа, вторник

Испытание третье – ветер

Проснувшись утром, мы обнаруживаем, что пошел снег. Он укрыл все вершины и землю примерно 10-и сантиметровым слоем. Холодно ужасно. Вот и наступила осень. По пути мы замечаем, что карликовая березка начинает желтеть.

Холодный ветер чуть стих, потом задул с новой силой, причем как раз тогда, когда мы отправились варить обед. Снова (в который раз уже!) переходим границу Европы с Азией. Три километра вламываем по тайге без дороги. В глубине леса находим красивый водопадик. Заросли так густы, что идти можно только по реке. Я бреду по руслу, шлепая сапогами по мокрым камням, как в детстве по лужам.

Ломаю уже четвертый по счету дорожный посох. Практически все расстояние по Полярному-Приполярному Уралу мы с Димой прошли с посохами. Вещица, словно сошедшая со страниц сказок и фэнтэзиных романов – посох – при ходьбе на большие расстояния по глуши, на самом деле, как выяснилось, вещь незаменимая.

Без него очень трудно переходить реки;
 Опираясь на посох при ходьбе, можно чуть разгрузить ноги от тяжести рюкзака;
 Посохом можно прощупывать перед собой дорогу при ходьбе по болоту, а также когда ступаешь на края снежника;
 Посох незаменим, как дополнительная точка опоры, когда прыгаешь по курумам с рюкзаком;
 Посохом можно сбивать крачек и бить куропаток;
 Прижав посох камнями, на нем можно подвешивать котелок, когда не из чего сделать рогатины.

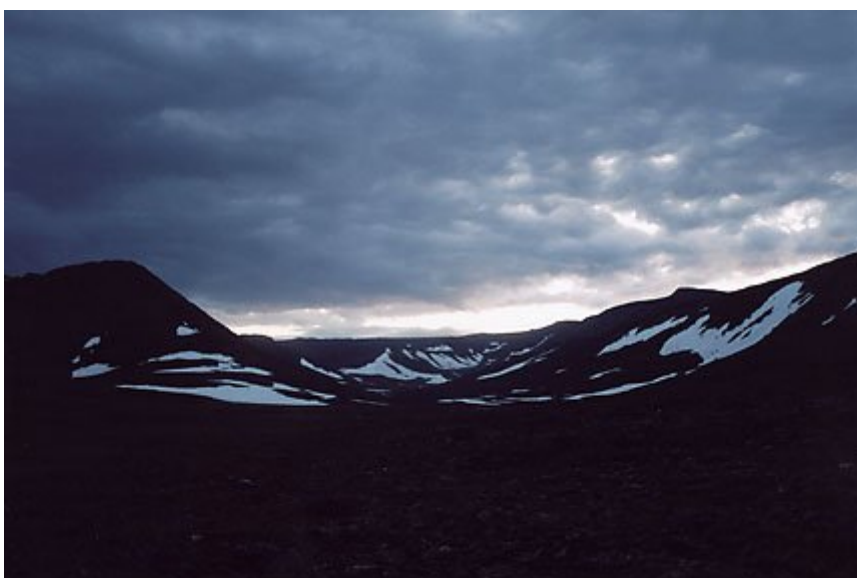
Свернув от берега, в гуще леса совершенно случайно обнаруживаем миниатюрную полуразвалившуюся избушку. Изба такая маленькая, что в ней, фактически, есть место только для печки и лежанки. На лиственнице рядом вырезана ножом глубокая надпись. Буквы расплывались, по мере того, как лиственница росла; но, кажется, это «ХВ». На вид избе, как минимум, лет пятьдесят. Кто мог жить здесь в те годы, в абсолютной глуши? Отшельник?

Лезем на перевал. Снег уже стаял, но ветер просто выдувает душу. Ноги заоченели и ужасно болят при ходьбе. У меня начинает постреливать в ухе – продуло. Лишь бы только не воспалилось по-настоящему. Я натягиваю пониже шапку. Дорога петляет по бесконечным сопкам, и во время недолгих минут отдыха мы стараемся прятаться за торчащими тут повсюду останцами, слушая, как ветер неистово завывает в камнях.

Неожиданно видим на склоне движущуюся черную точку. Смотрим в бинокль: медведь. Ходит по склону, ест ягоды. Пасется, можно сказать, словно корова. Он не почувствовал нас, из за того, что мы находимся с подветренной стороны – в противном случае, давно бы убежал. Неожиданно, к нему присоединяется еще один, поменьше. Видно, мамаша с ребенком.

Застигнутые темнотой, спускаемся в лес. Долго, чертыхаясь, ищем воду, пока не находим какую-то лужу в кустах. По карте определяем, что за день прошли 31

километр. Озвереть. Ноги отваливаются. Пьем любезно выданный питевцами спирт.

День 46-й, 11 августа, среда
Поселок Свободный

Утренний переход снова ужасающ. Намеренье посетить Свободный дается нам что-то слишком тяжело. Впрочем, потому-то там и мало кто бывает – потому что дойти трудно. Несколько раз лезем в гору по заброшенной лесистой тропе. Последний перевал – один из самых сложных за все путешествие. Очень крутой, и находится он в конце пути, когда все уже измотаны. Я иду уже только на чистой злости. У меня такое ощущение, что руки-ноги стали ватными, а движутся они лишь за счет того, что кто-то сверху дергает за веревочки.

Переваливаем через гору и нашему взору открывается удивительная картина: на дне уютного безлесного ущелья, у реки, среди розовых зарослей иван-чая ряды маленьких домиков. Затерянный в горах, давно покинутый поселок геологов Свободный.

Поселок Свободный

Поселок заброшен уже почти пятнадцать лет, но он интересен тем, что, поскольку, лежит вдали от туристических маршрутов и оленеводческих троп, здесь все цело – домики, печки; в окнах даже есть стекла. Кажется, геологи ушли отсюда неделю назад. В балках валяются газеты 91-го года, журналы «Новый мир» перестроечных времен и, еще советского выпуска, детективы.

Еще одна тень прошлого этих мест – постепенно меркнущая, уходящая в небытие.

Баня – человек на пятнадцать. Мы даже не стали пытаться ее растопить.

Находим кофейный напиток, и даже недокуренную пачку «Примы». По этикеткам определяем, когда примерно здесь в последний раз были люди – в 1999 году, то есть, пять лет назад.

Варим напиток, докуриваем «Приму» – наслаждаемся жизнью. Ночуем в уютном балке, натопив печку. Дерево на Приполярном Урале гниет медленно – стены внутри даже еще не посерели, сохранив желтый цвет сосновых досок. Правда, ночью припускает дождь и надо мной чуть начинает протекать крыша, но я сплю как убитый в этом странном затерянном месте.

День 47-й, 12 августа, четверг Дорога на Хобею

Утром осматриваем остатки дизельной электростанции, цистерну топливохранилища. Поднявшись высоко в гору бросаем прощальный взгляд на покидаемый поселок. Теперь он снова пустеет на годы. Вряд ли когда-нибудь доведется вернуться сюда.

Покидая Свободный

Мы вышли в 10 часов и весь день движемся. Снова заросшие тропки, ведущие по тайге. Честно говоря, как здесь ни красиво, меня эта горная тайга уже основательно подзаколебала. Дима показывает на темнеющую вдали гору пирамидальной формы.

- Вот. Гора Пирамида. Нам туда.
- Да ты что?! Это ж далеко! До темноты не успеем.
- Успеем! – убежденно говорит Арбузов. Его убежденность всегда радует меня.

У нас генштабовские карты-километровки. Их точность и правда поражает – каждая, даже самая пустяковая тропка, обозначенная на них, действительно существует. Вот, только, нужно учитывать, что составлялись эти карты двадцать лет назад. И, как ни медленно все зарастает в здешних местах, многие из этих троп, по которым когда-то перемещались геологи – и конные, и пешие – уже практически непроходимы.

Реки на Приполярном Урале, как ни странно, холоднее, даже чем на Полярном. Может, потому, что уже стало гораздо морознее по ночам, а, может, из-за того, что они глубже. В воду можно только с воплем кунуться, и тут же выскочить, красный, словно рак.

Зарубки на деревьях помечали дорогу, когда тропы еще не было. На этой фотографии не видно, но, вообще-то, зарубки расположены так, чтобы от одной можно было увидеть другую

Второй перевал. Оленеводческая варга – на этот раз в очень приличном состоянии. Лес здесь удивительно стал напоминать леса средней полосы, если только не обращать внимания на кедры, – а так – березки, осинки, – ощущение такое, будто находишься в подмосковном лесу во второй половине сентября, когда я люблю гулять. Эти воспоминания о доме приподнимают мне настроение, но затем мы снова спускаемся в почти непролазную тайгу и теряем дорогу.

Во время короткой передышки, я говорю Диме:

– Эх, тайга, мать родна! Когда ж ты от меня отвяжешься?..

Через час вламывания по бурелому Арбузов оборачивается ко мне и говорит:

– Как ты сказал... тайга – мать родна? Ну, ёб твою мать...

Через два часа дорога все-таки находится, – оказывается, она идет поверху; на карте обозначена старая тропа, которая теперь заболочена. Однако, в Хобею до темноты мы уже не успеваем. Ночуем в тайге, на склоне, сковородками жарим грибы. Как сказал Дима, «Если грибы пошли, их уже не остановить!»

Грибы очень хорошие: подосиновики, подберезовики, маслята, моховики. Белые, здесь, почему-то, не растут. Переев грибов до икоты, ложимся спать.

***

В связи с переизбытком грибов пародируем Боярского:

Яблоки на снегу,
Яблоки на снегу.
Что же мне с ними делать?
Есть уже не могу!

А вот «**Песенка для куропатки**»:

В мой дивный сад,
Ланфрен-ланфра,
Лети моя голубка...

Ланфрен-ланфра,
Набью риском,
Зашью живот тугим стежком –
И будешь, словно утка!

День 48-й, 13 августа, пятница
Хоббиты в Хобею

В общем-то, оставалось нам совсем немного, и мы могли бы дойти до Хобею за пару часов, но, к несчастью, Дима решает срезать и устремляется в тайгу, где мы теряем тропинку и, в результате, блуждаем часа четыре, накручивая километры. Что-то у Димы начались проблемы с ориентировкой: видимо, подводит сознание собственной крутости.

Блуждая, набираем по целому пакету грибов – больше нести нет сил, да и куда их! Стонем, глядя на торчащие буквально повсюду оранжевые шляпки молоденьких подосиновиков. Нет, не унести, столько не унести! Сколько ж

грибов в этом лесу!.. Целая плантация. Наконец, выходим на тропинку. Я даже вскрикиваю от удивления, когда вижу этот огромный дом посреди леса.

Большой, с покатой крышей и чердаком, дом – все, что осталось от базы геологов – ныне используется как перевалочная база туристов. Особенно тех, что идут по кольцевому маршруту: оставляют здесь вещи, чтобы забрать на обратном пути. Внутри находим чьи-то вещички и записку со слезной просьбой: «Мы бедные туристы, пожалуйста, ничего трогайте!»

Все же, производим досмотр на предмет жрачки, надеясь позаимствовать хотя бы немного макарон (ну, в самом-то деле! Мы ж уже почти 400 км идем! Не убудет от них.) Находим удивительные артефакты. Во-первых, две (!) полные пачки соли. Во-вторых, – гвоздь программы, – в сумке с колесиками, забитой всяким шмотьем, мясорубка! Мясорубка!!!

Во всех балках обычно найдешь соли и туалетной бумаги – этого никому не нужного добра навалом. Все слышали, что в балках нужно оставлять соль: вот и оставляют, оставляют...

Но, елки-палки! Зачем им две пачки соли? 500 грамм вполне хватает на месяц. Нет бы тушенки оставить! А мясорубку-то чего они сюда тащили, тяжесть такую? По речным перекатам и раздолбанным вездеходным дорогам на сумке с колесиками? Не сумка-тележка на больших колесах, а обычная хозяйственная сумка на маленьких колесиках. Такую только по метро возить. О, боги! Мы чуть не плачем. Эти туристы не перестают удивлять.

Больше в сумках ничего нет. Продолжая обследовать балок, находим на скамейке большой мешок с мукой.

Вот это – ценность! Мука, правда, паршивенькая – с отрубями что ли (потом выяснилось, что это смесь пшеничной и ржаной), – но нам и такая сойдет. В качестве прибавки к рациону. У нас же один рис. Тут же начинаем месить тесто для клецок. За печкой, в металлической банке кто-то заныкал кристалл кварца. Дурацкий – не очень правильной формы и грязноватый. Непонятно, зачем нужен. Еще находим кофе и подсолнечное масло. На кофе в этом походе нам что-то везет. Подсолнечного масла, вообще, хоть залейся. Дима жарит грибы в огромной плоской кастрюле. По балку плывет восхитительный аромат. Здесь есть большой стол, полки, широкая лежанка и скамейки. Матрасы свернуты в валики и вертикально прислонены к стене, – как всегда делают в этих местах, чтобы не свили гнезда мыши. Окна заделаны полиэтиленом – в балках это частая практика; оконное стекло зимой от морозов и ветров вечно лопается и бьется; привезти его с собой трудно.

Грибы уже не лезут. Мы изоощряемся по-всякому: сушим их над печкой, выпекаем с ними круглые «колобки». Получается хреново, потому что найденная мука откровенно некачественная и не замешивается по-нормальному в тесто. К тому же, от нее и у меня и у Димы начинает страшно пучить животы.

Лежа вечером в спальниках на мягких матрасах, мы ржем, гадая, зачем все-таки этим туристам мясорубка. Думали, «а, вот, возьмем у оленеводов мяска, котлеток понаделаем»? Или рыбу будут прокручивать? Да какая нахрен в

Хобею рыба! Дима всерьез намеревается пойти к ним и спросить. Благо, на обратной стороне листочка написано, где стоят эти чудо-туристы. Гора Пирамида.

*Я уральский туман прокручу в мясорубке,
Я с собою дожди в рюкзаке привезу...*

***

Разговоры про медведей на Урале – любимая тема среди туристов, а также местного городского люда, с животными этими близко никогда не сталкивавшимся. Протекают они, обычно, в следующем ключе:

- А вы медведей, что, не боитесь?
- Нет, не боимся.
- А, ну да... Они ж там сытые...

«Сытые медведи на Урале», – это какой-то архетип. Я, потом, сам имел возможность в этом убедиться. И никому невдомек, что медведи, обычно, не нападают на людей не потому, что они, якобы, «сытые», а потому что людей попросту боятся. В связи с этим, сочинили анекдот:

*Два медведя разговаривают. Один:
– Пошли в Хобею! Ягод поедим, грибов нажремся!
– Да ты что?! Там же туристы! Орут, бедокурят, костры разводят, пердят. Я в прошлый раз еле ноги унес.
– Да что ты их боишься? У них жрачка есть! Они сытые.*

День 49-й, 14 августа, суббота

Дима уходит на разведку – и ползает по Пирамиде. Гора не зря носит такое название. С одной из сторон она выглядит строго пирамидальной – как пирамида Хеопса. Зато с противоположной стороны на нее легко взобраться – там пологий склон.

Я осматриваю окрестности: Хобею очень приятное место, с солнечной поляной; рядом растет огромный древний кедр, на который я, воспользовавшись лестницей от дома, даже залезаю, чтобы осмотреться.

Днем ко мне заявляются два бородатых мужика. Да, это те самые туристы, что оставили свои вещи. Беседуем. Мука оказалась их. Впрочем, муки у них много, они не возражают. Я спрашиваю, что они делают у Пирамиды. Вижу, что темнят, не хотят говорить. «Да, так, ерундой страдаем», – отвечает мужик.

Приходит Дима. Мрачный. Относительно «туристов» все прояснилось. Их там шесть человек, в огромной палатке, и, естественно, никакие это не туристы. То есть, в записке самое обыкновенное вранье. Это браконьеры, незаконно добывающие драгоценные камни. Прибыли сюда, наверняка, на вездеходе.

Позже, у геологов в Неройке, мы выяснили подробности. Браконьеры на Пирамиде ищут камень волосатик («волосы Венеры» или рутил). Из-за необычно жаркого лета оттаяла штольня, которая долгие годы оставалась замерзшей, и к горе устремились искатели сокровищ. Дима, поняв в чем дело, нагрубил им, и пообещал, при случае, сообщить куда следует. Безумец. Когда-нибудь, его пристрелят.

Теперь стало понятно, и зачем им мясорубка. У них с собой ружье, и они, видимо, охотились. Вот такие они, «туристы» из Хобею.

День 50-й, 15 августа, воскресенье

От Хобею до Парнука мы идем не тем путем, каким ходят обычно. И хотя нам опять приходится продирааться по тайге 5 км почти без троп, этот путь имеет следующие преимущества:

он значительно короче;
не приходится лезть на перевал;
река Хобею переходит в месте, где она распадается на два рукава, что значительно проще.

Далее через лес идет тропа, такая утоптанная, что просто не поверишь, что ты находишься на Приполярном Урале. Парнук – очень посещаемая база, летом здесь постоянно бывают туристы. Лесок тут как в Подмосковье – елочки, березки. Очень красивая, среди высоких скалистых берегов, река – прозрачная, с зеленой водой и глубокими омутами. Из-за вида скал, чем-то это место даже неуловимо напоминает Крым.

Идем по хорошей тропе, любясь видами; казалось бы, наконец, наш поход принял форму приятной прогулки, – но тут, мы, видимо, расслабились, – и вдруг, буквально на ровном месте, случается серьезная неприятность. Неудачно закинув рюкзак, Дима повредил спину. В позвоночнике что-то хрустнуло, и весь оставшийся путь он мучается от сильной боли.

Приходим – и вот он, огромный домище – база Парнук. Внутри мы находим кучу еды – макарон, горох, перловка, гречка, немножко сахара, конфет, топленого масла и даже кетчупа – в общем, достаточно, чтобы наполнить наши уже порядком

изголодавшиеся желудки. В углу стоит ящик со вкусными продуктами, типа тушенки, и запиской, с просьбой не трогать. Мы знаем, что там продукты для саран-паульских ребяташек, группы которых привозят в Парнук отдохнуть. Обедать детишек как-то нехорошо, поэтому не трогаем. На ужин варим большой котелок макарон и едим при свете керосиновой лампы. Гудит здоровенная буржуйка. Тепло и славно.

Ночью нас достает шустрая мышка, которая в конце концов, обнаглеваает настолько, что начинает бегать по нам, лежащим, завернутыми в спальники. Потом, как рассказывает Дима, раздался какой-то шум и писк. Это мышка упала в ведро, в которое мы слили немного воды из умывальника. «А, попалась!» – злорадно подумал Дима, и уснул. Утром, к своему конфузу, он обнаружил, что бедная мышка утонула – не смогла выбраться из ведра и замерзла в холодной воде. «Я не хотел ее смерти!» – оправдывался Арбузов.

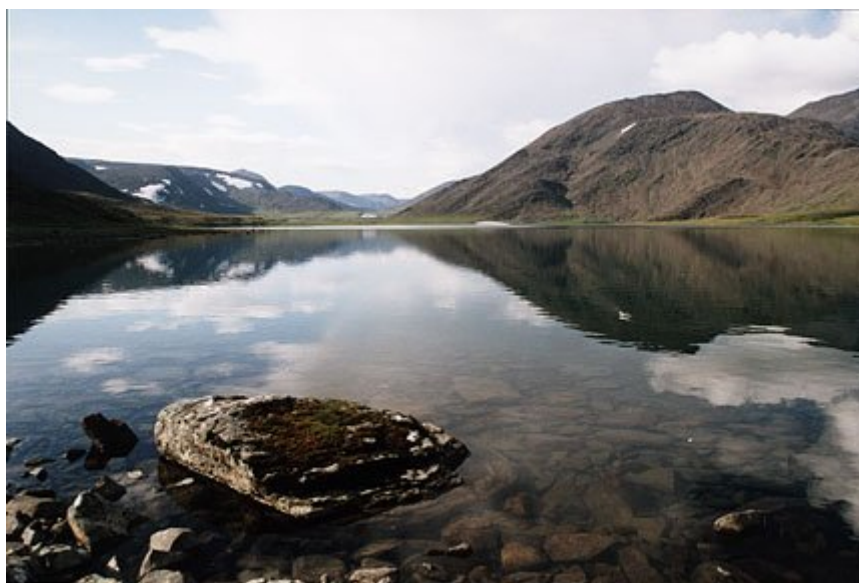

День 53-й, 18 августа, среда

Целый день топим баню. Парнукская баня – это что-то. Самая грамотная баня, что я встречал за все время. Печка буржуйка, которая топится из предбанника,

имеет приваренный к ней бак с водой, и окружена камнями, обвязанными металлической сеткой. Впрочем, люди в этих местах, по понятным причинам, бани любят и строить умеют. Эту сколотил инструктор по туризму Иван Николаевич, вместе со своими ребятами. Дима задал такого жару, что сам не может терпеть, и вскоре слезает с верхней полки. Рядом с баней глубокий плес с прозрачной зеленоватой водой и даже специальный камень, чтобы с него, как со ступеньки, бросаться в воду с разбегу.

Травма спины, полученная в воскресенье Димой оказалась серьезнее, чем предполагалось. Он говорит, что не может идти, и снова греется в бане. На второй день мы, кое-как, выходим. Медленно, так как спина у Димы болит сильно. Большая часть туристов ходит отсюда на Омегашор по ручью Банний. Мы выбираем значительно более короткий маршрут по тайге, ожидая, что идти придется по очень плохой, ползаросшей тропе. К нашему удивлению, тропа оказывается весьма утоптанной. Проходим удивительной красоты горное озеро. В лесу находим два полуразвалившихся сруба. Видимо, они остались с тех времен, когда базы Парнук и Омегашор еще действовали, и люди часто ходили туда-обратно. В одной из избушек ручка на двери из березового сука, на стене полочка, сделанная из древесного гриба, на полу табуретка с ножками из лесных сучьев. У человека, который строил этот домик, видимо, были только инструменты и гвозди, а весь стройматериал он брал из леса – никаких досок. Обедаем на берегу реки.

Однако, едва мы переходим ручей Фейкошор, видим, что наша радость по поводу тропы оказалась преждевременной. Дорога вдоль Фейкошора ужасна – кусты, кочки, болотца. За день мы не успеваем дойти до перевала и ночуем в лесочке, выбрав место, защищенное от ветра, который, словно бы в ярости, что он не в силах до нас добраться, всю ночь ревет в кронах кедров над нашими головами.

Впервые пробуем жечь костер из кедровых сучьев. Очень понравилось. У огня приятный запах. Древесина горит ровным, светлым пламенем, как газовая печка, и совсем не стреляет, лишь образуя множество летящих вместе с дымом мелких искорок.

Самые стрелючие дрова – из сучьев пихты. У такого костра сидеть почти невозможно – жахает, как из пулемета.

День 54-й, 19 августа, четверг База Омегашор

Утром идем. Дима еле передвигает ноги – к больной спине добавилась еще и простуда с температурой. Сказался прорубленный сапог, в который заливается вода, из-за чего Дима в холод все время идет с мокрыми ногами. Ничего не скажешь, на него навалилось напастей. А идти надо – до конца недалеко, но не оставаться же здесь.

Быстро доходим до границы леса и начинаем подниматься вверх по ущелью, вдоль ручья. Ручей почти полностью скрыт огромным снежником, но идти по снежнику мы боимся – не знаем, насколько толста корка снега, а провалиться под него в воду никому не хочется¹⁵.

Увы, если до этого момента идти было просто сложно, то теперь стало почти невозможно. Я буквально ползу по крутому склону, покрытому осыпающимися камнями и удерживающими тебя, словно цепкие, злые руки зарослями карликовой ольхи. Облезаем скалы. Спереди несутся проклятия Димы, снизу шум воды. В голове только одна мысль: «Не свалиться бы!»

С огромным трудом преодолеваем этот склон, и еще долго прыгаем по камням, чтобы добраться до цели.

База Омегашор давно заброшена. Большинство поселков геологов в этих местах действовало в 50–65-х гг. Омегашор работал до 70-х. Но летние партии геологов эпизодически посещали его до 90-х годов. Три года назад здесь жил один человек – Олег Морозов, забавный отшельник, обидевшийся на весь мир, и ушедший из Неройки жить в полуразвалившемся балке. Геологи прозвали его «снежным человеком». Прошлый раз, когда Дима пришел сюда, он так же не ожидал никого встретить. И вдруг, ночью, с огромным удивлением, заметил в одном из балков горящий свет.

Балка этого мы не находим. Разобран. Никого нет. База расположена в красивейшем месте – прекрасная широкая долина с лентой реки и поросшими лиственничным редколесьем склонами, над всем этим высокие заснеженные скалы.

За время нашего пути снег выпадал еще несколько раз, и теперь он лежит на вершинах нетающим слоем.

Мы уже думаем, что придется ночевать в развалинах генераторной, как в большом брошенном доме помещений на десять, обнаруживаем, что одна из комнат обжита людьми – видимо, изредка здесь бывают. Остальные комнаты постепенно разбираются на доски для печки. Растапливаем буржуйку; на столе находим сухари и яичный порошок, на стене висит два пакета с мукой. Тут же печем блинчики.

При свете найденного здесь же огарка свечи, я читаю у печки обрывок детективной книжки Чейза, которая, видимо, используется для растопки. Ночью мне снится, что мы дошли до конца, и Виталий, Серж, в общем, вся наша компания,

---

¹⁵ Как выяснили позже от геологов, снежник проходим.

приехала на Урал отмечать это событие. Балок, в котором мы сидим, какой-то абсолютно раздолбанный, темный, грязный; найти ничего не можем, но очень весело.

Дима всю ночь кашляет и сморкается.

Встретили по дороге: русло маленького ручейка настолько заросло мхом, что он образовал нечто вроде толстой, мягкой ковровой дорожки

**День 55-й, 20 августа, пятница
Поселок Неройка**

Утром мы, не смотря ни на что, встаем и отправляемся. Дорога, как и обещал Дима, оказывается гладкой и ровной, лишь местами немного заболочена. Пролегает она по очень красивым местам – лесистые горы, со скальными выступами, – у одной горы камни у вершины образуют плоские, торчащие вверх выступы, напоминающие чешую.

Господи, как я успел соскучиться по нормальным дорогам! На пути попадаются озера. По берегам привязаны лодки.

На одном месте Дима сворачивает с дороги – оказывается, решил срезать по полю. Я неохотно следую за ним. Вдруг, перед нами вспархивает стайка куропаток. Арбузов бежит вперед и голыми руками ловит уже довольно большого птенца с поврежденным крылом. Обед! На привале наслаждаемся куриным супчиком.

Последние километры даются тяжело. У Димы больная спина и простуда. На подходе слышим шум работающего дизеля. Значит, есть все-таки люди?!

Едва входим в поселок, видим водителя автоцистерны, переливающего солянку в хранилище. Здравуемся. И тут же наши сомнения и страхи развеиваются. Информация, полученная нами от водителей из Инты оказывается устаревшей. В Неройке давно уже действует новая геологическая партия. Нас приветливо встречают, дают банку тушенки и банку сгущенки, кормят в столовой, селят в домике. Сами геологи живут во вполне комфортабельных вагончиках желтого цвета с электрическим обогревом. Домик, который выделили нам, не используется, но содержится в порядке. Здесь прекрасная русская печка, широкая лежанка, столик – в общем, все что нужно человеку. С радостью узнаем, что завтра в 5 часов на Саран-Пауль идет вахтовка, которая отвозит рабочих на выходные в город. Заберут и нас.

И тут снова Дима, со своей кипучей энергией! Вечером один из геологов сообщает, что неподалеку (в 7 км) есть пещера, где валяются старые вещи манси – застежки от одежды, ножи, еще какой-то мусор. Дима тут же загорается желанием посмотреть.

- Леша, давай останемся еще на один день! Машины ходят часто.
- Нет! Я закончил маршрут! Я уезжаю.
- Ладно, с утра успею сбегать.

И вот, Арбузов, с утра, подхватывается и, позабыв о простуде и больной спине, бежит смотреть эту пещеру, которую еще и хрен найдешь, рискуя опоздать на автобус и зависнуть здесь еще на неделю. «Мне неинтересно», – говорит он сам о себе.

С сожалением узнаем, что димин знакомый геолог, по фамилии Дробот, умер. Всю жизнь проведя на Приполярном Урале, он, наконец, осуществил свою мечту, купив домик где-то в Сочи, но успел прожить там всего год. Это был удивительный человек. Фанатично увлеченный горами, имевший большую коллекцию минералов. В совершенстве владевший сложным искусством снять с потолка штольни друзу кристаллов, весом в несколько сот килограмм, не повредив ее.

Бывалые геологи в Неройке напоминают толкиновских гномов. Полжизни они проводят в темных, холодных, сырых или насквозь промерзших штольнях: бурят,

долбят, ищут камни, которые любят до безумия. Готовы говорить о них часами. Удивительная, все-таки, склонность.

День 56-й, 21 августа, суббота Поселок Саран-Пауль

С утра Дима, как я уже написал, уходит. Надеюсь, он успеет до автобуса. Я, блин, сию вообще без часов, так как Дима забрал и GPS, и даже не знаю, сколько времени. Могу и сам опоздать на этот автобус. Все таки, это бесит.

Я развлекаюсь тем, что сжигаю в русской печке свои портянки, получая от этого сумасшедшее, прямо-таки извращенное удовольствие. Больше мне не придется наматывать их на ноги! Потом ложусь прикорнуть. Просыпаюсь без двадцати пять, и, покидав вещи в рюкзак, бегу на автобус. Из-за пригорка появляется Дима – успел все-таки.

Пещеру он нашел, и даже немного полазил по ней.

Вахтовка оказалась довольно комфортабельным автобусом, с салоном на рессорах, мягкими креслами и даже столиками. Дорога от Неройки очень приличная, присыпана щебнем, речки и ручейки заключены в трубы. Таким образом, 95 километров мы преодолеваем за три часа – для здешних мест рекордная скорость. Это первая наша поездка на транспорте, за все время похода. Вместе с нами в автобусе едут рабочие: суббота – короткий рабочий день, вахтовка развозит их по домам в Саран-Пауле, а в воскресенье вечером заберет обратно в Неройку. Проезжаем строящийся горно-обогатительный комбинат. Здесь кипит работа: плавится гудрон в печке, рабочие подвозят на автокаре огромные мешки с цементом. Речку Щекурья мы преодолеваем на маленьком паромчике – автобус заезжает на баржу, заводится буксир, и, вот, мы уже на другой стороне. Далее снова река, но на этот раз очень широкая и мелкая. Автобус рассекает прямо по мелководью, гоня перед собой немаленькую волну, словно катер. «В первый раз еду на автобусе по реке», – замечаю я, чем привожу Диму в необычайное веселье.

Въезжаем в Саран-Пауль. Почему-то мы с Арбузовым представляли его как поселок городского типа с многоэтажными домами – все-таки, здесь живет куча народу, много магазинов, есть даже аэродром. На деле, это поселок, сплошь состоящий из одноэтажных деревянных домиков, с печками, «удобствами во дворе» и с огородами, где выращивают картошку. Короче, этакая огромная деревня.

В Саран-Пауле у нас, как ни странно, есть знакомые. Бойкая девушка, дочь мамы-оленоводки, Лена, когда-то приезжавшая в Москву автостопом, и гостившая у Димы. Мы понятия не имеем, где выходить. Единственное, что мы знаем – что Ленка живет где-то в домике у аптеки.

- А где аптека?
- Да вот же она!

Выскакиваем из вахтовки. У первой же женщины с коляской спрашиваем про Лену Попову и получаем точные указания, как пройти к дому. Да, это вам не Москва, все друг друга знают.

Однако, когда мы оказываемся на месте нас ждет разочарование: Лена с мужем уехала на свадьбу к брату в Белый Яр. Вернутся обещала только во вторник. Нас встречает Анатолий – отец мужа Лены, живущий в соседнем доме.

– Знакомые? Хм... Из Москвы? – щурится он. – Что-то не знаю таких. Ну, ладно, заходите.

Нам тут же открывают дом Лены, пускают внутрь. Там уютно – совсем как в городской квартире, хотя на кухне – русская печка, а у входа – умывальник. Еще одна печка стоит в гостиной. Между оконными стеклами в рамах положен ягель – не знаю, для красоты, наверное.

– Располагайтесь! – предлагает Анатолий, – Включайте телевизор.

Телевизор, мы, правда, смотреть не стали. Хозяин угощает нас копченым сырком – это очень вкусная рыба. Еще она называется пелядь, но местные зовут ее сырком. Я беседую с Анатолием. Разговариваем про Москву, про Анапу, про Саран-Пауль. Анатолий работает на ретрансляторе. Работа буквально в двух шагах от дома. Но сейчас у него отпуск. Для связи со внешним миром Саран-Пауль имеет всего два телефонных канала, позвонить домой проблематично – но мы оказались у правильного человека: Анатолий ведет нас к себе на работу. Там стоят высокие антенны, гудят и шипят системы охлаждения в вагончиках с электроникой ретранслятора, в домике мигает бесчисленными лампочками какое-то сложное оборудование. Звоню в Москву, чтобы сообщить, что с нами все в порядке. Благодарим хозяина. Ночью идем в магазин и покупаем вермишели быстрого приготовления, пельменей, сахару и кофе.

Лежа на удобных диванчиках, мы развиваем теорию, что и эта квартира – тоже балок, только комфортабельный. И, вообще, отныне, по возвращении, любую квартиру следует считать балком: батарею центрального отопления – печкой-буржуйкой, люстру – керосиновой лампой, и т.д.

Утром приходит человек, о котором нам говорил хозяин – Иван Николаевич, инструктор по туризму, и, как выяснилось, хозяин того самого домика в Парнуке, где мы останавливались. Беседуем с ним все утро. Человеку 59, но он влюблен в путешествия, и все лето лазит по горам с детьми. В потрясающей физической форме. Разговорившись, они два часа беседуют с Димой на улице у калитки. Дима уже не может – а тот стоит и болтает, как ни в чем не бывало, ни на что не облакачиваясь! «Блин, это Дон Хуан какой-то», – говорит мне потом Арбузов.

За свою жизнь Иван Николаевич успел пожить в городе – больше в город не хочет. Здесь у него три собственных «Бурана», две моторных лодки – всю зиму рыбачит, охотится, летом путешествует. В общем, занимается тем что любит, и тем, что нравится. Домик в Парнуке отремонтировал сам, вместе с детьми. Рассказывает нам кучу интересных вещей о горах.

***

Вести об авиабилетах тревожат нас. Оказывается, их сейчас очень трудно купить. С аэродрома летает кукурузник Ан-2 (это крохотный самолетик, который мне

хорошо известен, так как я в Чехове все время прыгаю с такого с парашютом. В нем всего одиннадцать пассажирских мест.) Рейс один в сутки.

Я иду в аэропорт, и обнаруживаю, что он заперт – воскресенье. Покупаю пива у продавщицы в соседнем ларьке и, разговаривая с ней, выясняю, что за билетами нужно стоять в очереди сутки. Причем, до 27-го числа уже все распродано.

Иду на пристань и вижу, что там уже тусуются наши друзья питерцы, которых тогда повстречал у домиков оленеводов на Кожиме. Они несколько удивлены меня увидеть. Питерцы выглядят уже нормально – нарядные жилетики изрядно запачкались, местами покрылись дырами. У питерцев, в отличие от нас, нет в Саран-Пауле знакомых, и они, вот уже четыре дня, проводят в палатках на пляже у реки, среди пасущихся коров. Злятся, что не удастся купить билетов на самолет. «Нам сказали, пока местные все не уедут, вам не на что рассчитывать». Некоторым нужно на работу. И вот, сегодня, они вписались на грузовой теплоход, который довезет их почти до Березово. Недолго думая, подхожу к капитану, и он соглашается взять и меня! Я ликую.

Пакую вещички. Ждем два часа, пока баржа разгрузится. Дима не едет. Он планирует еще месяц поплавать по Оби, пообщаться с местными. Дождаться Ленки. Мне уже нужно домой.

Мы отплываем. Арбузов с пристани машет мне рукой. «До зимы здесь не зависай!» – кричу я ему. Дима еще погостит в Саран-Пауле, правда, Ленки дождаться ему так и не удастся, так как она задержалась в Белом Яре дольше, чем планировалось. Что интересно, я ее не видел, даже когда она была у нас в Москве. То одно было, то другое. Видно, если уж не суждено людям повстречаться, то ты хоть что делай, а ничего не получится.

Отплытие

***

Река Ляпин, по которой мы плывем, достаточно узка – пейзаж по берегам однообразен: елочки, сосенки, березки, в общем, тайга. Берега замечательные, песчаные – здесь бы покупаться; правда, вода холодна. На ночь капитан, Олег Матвеевич, останавливается. В темноте плыть нельзя, на реке много отмелей.

Ночью меня настигает новый удар экстрима. Из тайги налетают полчища самой отвратительной мелкой мошки. Мы лежим в трюме, завернутые в спальники, темнота – хоть глаз выколи. Все просыпаются от того, что по лицу что-то ползает. Долго не могут понять, в чем дело, пока кто-то не зажигает фонарь. Боже! Мошка вертится в воздухе, как мучная пыль. Торопливо закрывают люк наверх. Но мошка уже заполнила весь трюм. Жрут. Вдобавок, начинается дождь, и во многих местах начинает протекать крыша трюма, ледяные струи воды льются нам на спальники. Холодно, мокро, кусает мошка. Выход один: начинаем при свете фонарика жрать водку, и, вскоре, становится повеселей, а потом и совсем весело. Так и уснули.

День 58-й, 23 августа, понедельник

Весь день стоит прекрасная погода, светит солнце. О злоключениях прошлой ночи ничто не напоминает. В судовом гальюне, оказывается, можно принимать душ – из шланга течет теплая вода, охлаждающая двигатель. На камбузе нам разрешают готовить. Девушки по очереди рулят теплоходом. Днем капитан достает двустволку, крадется с ней вдоль палубы и подстреливает на берегу гуся. Помощник тут же его ощипывает.

От жары река очень обмелела и провести по ней теплоход – дело немалого искусства. Лежа в трюме, мы то и дело слышим, как дно громко чиркает по песку. «Тысяча чертей!» – ругается капитан, отчаянно вертя рулевое колесо. Однако, к вечеру мы преодолеваем все перекаты.

На ночь мы останавливаемся на песчаном берегу, к которому стеной подступает тайга. Ребята разводят костер, поют песни под гитару. Мне ужасно лень тащить палатку на берег, и я ставлю ее прямо на палубе. Остальные следуют моему примеру.

Теплоход, на котором плыл Дима. У меня с собой не было фотоаппарата.

День 59-й, 24 августа, вторник

Добрый капитан угощает нас щами из гуся и ухой. Здешняя река Сосьва буквально кишит рыбой, глядя на воду постоянно видишь, как рыба плещется. Я все время сижу на палубе, глядя на временами проплывающие мимо рыбацкие поселки, стоящие, среди сосновых лесов, на высоких, осыпающихся берегах. Эти поселки вынуждены постоянно отодвигаться от берега. Бывает, что береговой склон осыпается целыми улицами. По реке все время проносятся лодки, перевозящие стога сена. Жители запасают на зиму корм для скота. За исключением зимнего времени, когда по льду пролегает автомобильный зимник, вода здесь - единственная транспортная магистраль. В городах люди покупают себе машины, здесь - моторные лодки.

По вечерам капитан с помощником садятся на моторную лодку и отправляются на рыбалку. Возвращаются неизменно с богатым уловом – в основном, щуки, сырок. Еще в Сосьве водится особая рыба – пресноводная селедка – говорят, вкусная до умопомрачения; но увы, она заходит сюда только в какое-то определенное время года и сейчас не сезон.

Вскоре выясняется, что капитан решил идти до самого Березово, а не до Игрима, как полагали раньше. В Березово он намеревается зайти домой. После короткого совещания, решаем ехать до Березово, пускай это еще одна ночевка.

В Игриме выпрашиваем остановку, чтобы сходить в магазин. Мы верно решили: оказалось, из-за обмелевшей реки, метеоры от Игрима сейчас не ходят.

Вечером сидим у костра на берегу. Погода плохая. Вдалеке сверкают потрясающие ветвистые молнии в полнеба. Мы едим подарок от капитана – сырого сырка – да, эту рыбу местные едят и сырой, нарезаая маленькими кусочками и слегка подсаливая и приперчивая, – видимо, отсюда и название. Многие есть стремятся. А я ем. Сырое мясо уже, выходит, ел – ну, вот, теперь рыба. Говорят, в сырке не бывает червяков.

Рыба исключительно нежная и вкусная. Вскоре начинается дождь и мы бежим на теплоход. Прошлой ночью мне показалось, что спать на палубе слишком холодно, и я совершаю ошибку, не поставив палатку ни на палубе, ни в трюме. Когда я прихожу, все места для палаток в трюме уже заняты. На улице начинается настоящий ливень. Крыша надо мной течет изо всех щелей. Вдобавок, над головой вьется целая туча налетевших из тайги комаров. Темнота абсолютная. Комары жрут невыносимо. Пытаюсь завернуться в палатку, но ее противокосариная сетка слишком мелкая, и если нет объема, лежать невозможно из-за духоты. Спальник весь мокрый, холодная вода ручьями льется мне на голову. Лежу и гадаю, когда же, наконец, в этом походе я сойду с ума. Так приходит утро.

***

Утром снова отличная погода, как ни в чем не бывало. Капитан будит нас и говорит, что Березово близко. Прибываем на пристань часов в 12. Яркое светит солнце. Прощаемся с капитаном. Туристы дарят ему пенку.

В кассе на пристани я выясняю, что «метеор» до Салехарда идет только через день. Питерцы едут до Приобья, катер на следующий день. Я решаю ехать с ними:

висеть в Березово еще один день неохота, в Салехарде мне, в общем-то, делать нечего.

Гуляем по городу. В принципе, Березово, хотя и считается городом, мало чем отличается от Саран-Пауля. Каменные дома есть только на центральной улице. С магазинами тут, что-то, так же неважно: никак не могу купить себе новые часы. Зато отправляемся в уютный кедровый лесок. Ласково пригревает солнце. Собираем шишки, оброненные белками. Белка, если роняет на землю шишку, подобрать ее уже не может, так что внутри часто остается еще немало орехов. Мы грызем их и пьем водку.

Еще на дороге к лесу мы замечаем вдали удивительное сооружение, напоминающее три разведенные в разные стороны опоры, которые, сначала, принимаем за пусковую площадку ракеты. Оставив питерцев, иду посмотреть, что это такое. По приближении выясняю, что это огромная антенна, стоящая посреди покинутой воинской части. Масса пустых домиков: казармы, дизельная, баня. Все хорошо сохранилось. Фотоаппарата у меня, к сожалению, с собой нет. Я с интересом читаю документацию, разбросанную на полу в одном из домишек – процедуры техобслуживания оборудования, обеспечение живучести, какие-то приказы по части. Согласно этим пожелтевшим листкам, здесь находилась радиорелейная станция (РРС).

Возвращаясь в город, нахожу настоящую пиццерию, обалдеть. Внутри сидит довольно приличный народ, а я, видимо, выгляжу как бомж: лохматый, заросший нестриженной бородой, в грязных походных штанах и тренировочной куртке. Однако, меня, ни слова не говоря, обслуживают: видимо, к возвращающимся из похода туристам здесь привыкли.

Прихожу к питерцам, раздувшись от еды. Вечером звоню домой. День прошел удачно.

День 61-й, 26 августа, четверг

Утром в пол-шестого подъем, суета; успеть попить чаю, погрузиться на «Метеор».

Как же быстро мы плывем! По сравнению с баржой, это действительно метеор какой-то. Мимо несутся берега Оби. Вот проскочила какая-то прибрежная деревушка. Вот мы вспугнули сидящую на воде большую стаю уток. Погода отвратительная. Долго на палубе я не выдерживаю.

Четыре часа и мы в Приобье. Питерцев ждет разочарование. Они не смогут уехать в Питер через Свердловск – все билеты проданы, и им придется ехать через Пермь. В результате, дома они окажутся только 30-го числа. С билетами в Москву дело обстоит получше, и, как следствие, уже в три часа по местному времени я сажусь в поезд Приобье-Свердловск.

Поезд отправляется. Я пока один в купе. Вижу, как трогается и начинает плыть в окне земля, и не верю, что еду по рельсам. Боже, как ни замечательно путешествовать, но как же я мечтал об этом моменте где-нибудь на Малой Лагорте, когда я загибался от усталости! Теперь я чувствую лишь странное удовлетворение и

легкую, едва заметную грусть. Пейзаж за окном совсем осенний: тайга изрядно пожелтела. Разъезжаю половину купленного на платформе копченого язя, и, раздувшись от сытости, попиваю чай, думая, что я буду делать по приезду в Москву. Я окажусь там в субботу: следовательно дома может никого не оказаться. Пойти сразу домой, или завалиться на дачу? В конце концов, что такое лишние два с половиной часа на электричке, по сравнению с двумя месяцами скитаний?

У меня с собой оленеводский ножик, найденный в каком-то балке среди кучи хлама, - но, дабы не возникло вопросов, я оставил там взамен собственный. Этот – ценный экземпляр: полностью самодельный, ручка из оленьей кости, лезвие - из напильника. Правда, везти с собой такое не безопасней, чем марихуану – если обыщут менты, 100%-но пришьют дело. В поезде я стараюсь, прячу его на верхней полке, надеясь, в случае чего, сказать, что не мое.

День 62-й, 27 августа, пятница

В Свердловске, он же Екатеринбург, я сажусь на поезд Кемерово-Москва. Вагон набит битком. Со мной рядом едут две толстых тетки лет сорока пяти, учительницы из Нижнего Новгорода, и мордастая девушка лет восемнадцати из Казахстана.

Я вспоминаю, как только что в поезде Приобье-Свердловск я ехал с женщиной (язык не поворачивается назвать ее бабушкой!) 66-и лет, с которой мы проболтали всю дорогу! Я угощал ее копченым язем, она меня – пивом. Бывший инженер-металлург, в 47 лет она приехала на Урал, как сама говорит, за романтикой. Живет в деревне, держит кучу скотины, едет в Свердловск проведать дочь и внучек. От силы дашь ей лет 50. В поезде все расспрашивают меня, интересуются откуда я еду – я им отвечаю.

И вот, въезжая в большие города, я наглядно могу наблюдать, как меняются люди. Мои новые попутчицы смотрят на меня, как на подсевшего к ним бомжа. Не интересуются даже, откуда я, что я. От предложенной мной выпивки и еды отказываются. Все мои попытки завязать разговор натываются на стену глухого молчания. Вздохнув, лезу на верхнюю полку, и всю дорогу слушаю оттуда их тупые, как группа «Ласковый май», шутки и разговоры.

Через некоторое время гляжу вниз и не знаю, смеяться мне, или плакать. Мою желтую пластиковую кружку, которую я оставил на столе, завязали в полиэтиленовый пакетик! Наверное, инфекцию подхватить боятся! И я понимаю, что Север, где все люди привечали, радовались твоему появлению, помогли чем могли – кончился. Я приехал домой. Здесь уже люди как люди. Всю дорогу эти женщины едят фрукты, но даже не думают предложить мне.

День 63-й, 28 августа, суббота

Прежние попутчицы сошли. Их сменила толстая беременная девица и ее мамаша с рыжими крашенными кудрями. Едят копченую курицу. Не доев чуть не половину, разговаривают между собой:

- Давай оставшееся выбросим! Все равно, не довезем.
- Да ну! Приедем, собакам отдадим.

– Ну, вот еще! Тащить с собой...

Подумать только! Они выбросят полкурицы в мусорную урну, но им даже не придет в голову предложить мне, человеку, едущему в одном купе с ними! А может, я голодный, может я еду черт-те откуда?! После Урала у меня довольно тощий вид. Они даже не поинтересовались.

Я тащусь с жителей больших городов. После поездки на Север словно попадаешь в другой мир.

***

Я приезжаю на вокзал. По родным улицам я иду, испытывая странное ощущение, – словно бы я по-прежнему в каком-то другом городе.

За время похода я похудел на пятнадцать килограммов. Всего пройдено пешком около 600 километров.

Еще несколько дней я, просыпаясь в своей квартире, по минуте не могу понять, где нахожусь.

Дима вернется через месяц. Он хорошо поплавал по Оби, расскажет, что повидал. Пообщался с манси, побывал в Лабытнанги.

Проезжая на обратном пути в поезде мимо станции Полярный Урал, он своеобразно замкнул наше путешествие в кольцо.

Но горы были покрыты непроницаемым туманом, и он ничего не увидел.

***

Я хочу выразить свою благодарность всем людям, которые оказывали нам помощь и поддержку во время путешествия, без которых оно сделалось бы невыносимо трудным, или вовсе невозможным: оленеводам Герману и Степану, водителям из Инты, группе туристов из Санкт-Петербурга, геологам из Неройки, Анатолию из Саран-Пауля.